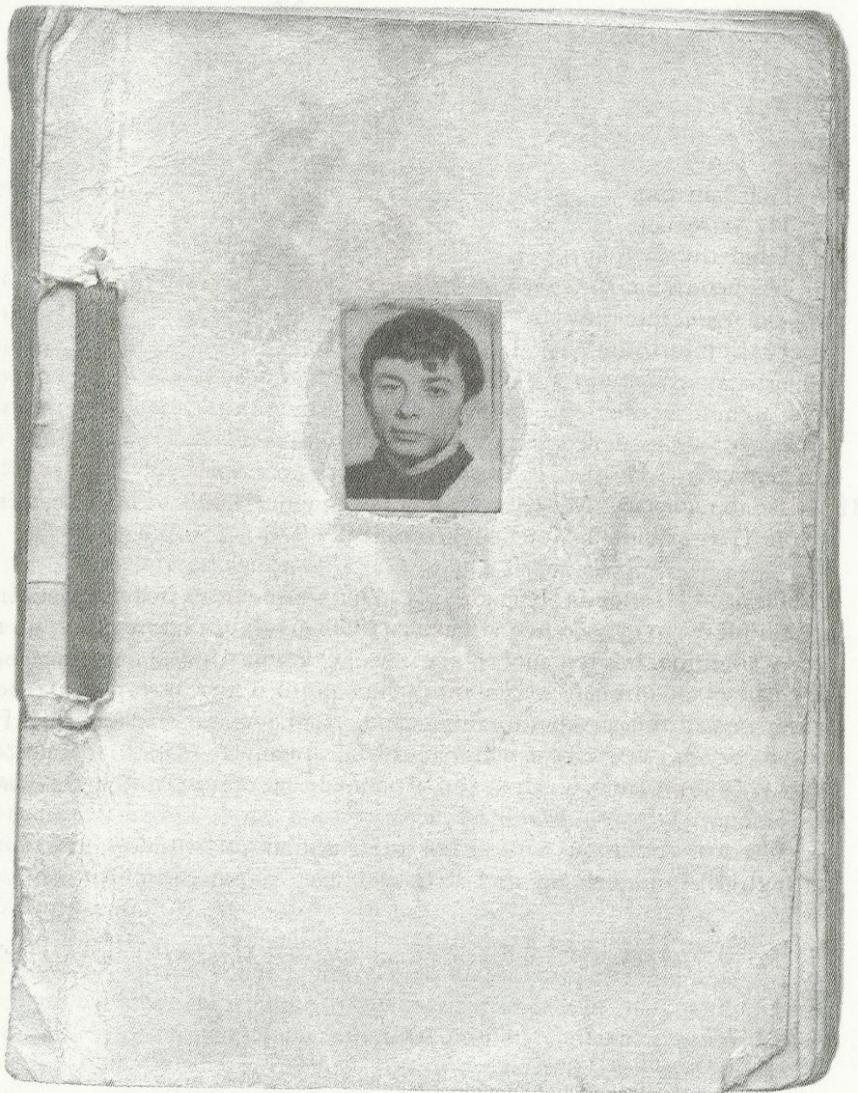

Колір чокаль

Сергей Чудаков

Сергей Чудаков

Колёр локаль

Культурная революция 2008

Составитель

И. Ахметьев

Подготовка текста

И. Ахметьев, В. Орлов

Оформление

И. Бернштейн

Чудаков С.И.

481 Колёр локаль.—М.: Культурная Революция, 2008.—Изд. 2-е, испр. и доп. (Культурный слой).—176 с. ISBN 978-5-250-06047-9

Сергей Иванович Чудаков (р.1937; к сожалению, нет достоверных сведений о его судьбе после начала 1990-х) — один из лучших, по нашему мнению, поэтов своего времени. С конца 1950-х он был известен как талантливый журналист, писавший о литературе, театре и кино (некоторые его рецензии выходили под чужими именами). Начиная со знаменитого самиздатского «Синтаксиса» (1959), публиковались и некоторые его стихи (но, в основном, естественно, не в советской печати).

Стихотворения публикуются по машинописному сборнику из архива Д.Н. Ляликова, архиву «Синтаксиса» и другим источникам.

Рисунок на обложке — видоизменённая картина Марка Ротко «Без названия», 1955.

© Культурная Революция. 2007

© С. Чудаков. 2008

© И. Ахметьев, составление, комментарии. 2008

© О. Михайлов. 2007

© Вс. Некрасов. 2007

© А. Брусиловский. 2008

© Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского.

Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.

© И. Бернштейн, оформление. 2007

Русский Вийон

О Франсуа Вийоне мы знаем: французский поэт (год и место смерти неизвестны), воспитывался приёмным отцом, убил в драке священника, сидел в тюрьмах, связал свою судьбу с воровскими шайками, участвовал в кражах и ограблениях, приговорён к повешению. Биографы отыщут совпадения с поправкой на прогрессивность эпохи: кражи личного и государственного имущества, торговля живым товаром, съёмки порнофильмов, тюремные психушки — наша отечественная по-мойка. Русского Вийона зовут Сергей Чудаков.

В пальто с какого-то покойника
приехал полумертвцом
наверно Соловья-разбойника
напоминаю я лицом...

Да возможно ли это? Жизнь посвятил стихам и был равнодушен к их судьбе. Писал на чём попало — на обёрточной бумаге, на уворованных (у приятелей или из «Ленинки») книгах, а то и просто надиктовывал их по телефону кому-нибудь из благополучных знакомых. Стихи отправлялись в путешествие, наподобие записки, которую терпящий кораблекрушение запечатывает в бутылку и без всяких надежд бросает в море.

Часть стихов до недавнего времени была у меня. Показательно, однако, что, хотя к услугам тонущего были комфортабельные плавсредства в образе многочисленных газет и журналов, выходивших «за бугром», Чудаков не сделал ни одной попытки воспользоваться ими (но охотно дал крутое интервью Би-би-си, кажется, в 1971 году).

ПОРА СКАЗАТЬ, КОГО МЫ ПРОИГРАЛИ.

Чудаков рано понял, что его дар, что его жадно поглощавший знания о мире мозг были не нужны обществу, которое отторгло его.

На третьем курсе факультета журналистики МГУ, будучи профоргом, он сумел провести студенческое собрание, потребовавшее отстранить от чтения лекций наиболее бездарных преподавателей, и с

волчим билетом был изгнан из альма-матер. На этом казённое его образование завершилось. Он сделался завсегдатаем редакций газеток и тонких журнальчиков, осаждал и солидные издания. Стоило поглядеть, как он сидит на подоконнике, забрасывая незнакомого посетителя тучами маленьких глупостей, и вдруг в ответ на серьёзное замечание затыкает ему рот чем-то таким, после чего и пошевелиться нельзя, не порезав язык.

Талант его изредка проблескивал, прорываясь, например, в «Московском комсомольце» (без преувеличения, замечательная рецензия на убогий фильм «биографического жанра» — «Вместо Сурикова», или интервью с Ильёй Эренбургом), но чаще подавлялся на уровне рукописи (не пошедшая по воле боссов «Юности» — престарелых чиновников Преображенского и Железнова — статья о нашем мрачном телевидении — «Зрачок гиганта»).

Чудаков уже тогда не контактил с совлюдьми. Помню, привёл я его в благополучный журнал «Вопросы литературы» и неосмотрительно оставил в коридоре на каких-то четверть часа. Мы писали в те поры с ним обзор поэзии за 1959 год (любители древностей могут найти эту статью, появление которой, даже в усечённом виде, тотчас же вызвало грубо-барский окрик в «Правде»). Когда я вернулся от любезной Кацевой, которая руководила в «Воплях» отделом совлитературы, то узрел, что мой герой схватился в жаркой перепалке с самой Тамарой Лазаревной Мотылёвой, несгибаемым борцом за соцреализм и чугунные принципы коммунистической морали. Я не успел даже приступить к роли миротворца: Мотылёва резко повернулась от Чудакова и, стремительно сокращаясь в размерах, брызнула прочь по коридору.

— Что ты ей сказал? Чем ты её так напугал? — подступился я.

— Ничего особенного, — как обычно, несколько манерно растягивая слова, отвечал Чудаков. — Я просто объяснил ей, как отнощусь к так называемой «советской литературе». А она возмутилась: «Молодой человек! Вы, очевидно, никогда не были за границей! И потому не знаете, что существуют два лагеря...»

— Ну, и что?

— Я только возразил: «Вы знаете, я никогда не был за границей. Но я прожил восемь лет в Магадане. И видел там не два лагеря, а значительно больше»...

Да, Чудаков родился в Магадане, в семье начальника лагеря, и прожил там восемь лет. Он помнил, как зеки убили его пятилетнего сверстника, держали трупик в проруби и, регулярно упражняясь в каннибализме, спасали свою грешную плоть. Видимо, оттуда, из детских лет, рвался, не прерываясь, в стихах безответный вопль к Небу:

Остались мы с носом, остались вдвоём,
как дети к ладошке ладошка.
Бессмысленность — принцип, в котором живём
и жизнь составная матрёшка.

Заманят, заплатят, поставят к стене,
мочитесь и жалуйтесь Богу.
О брат мой, попробуй увидеть во мне
убийцу и труп понемногу...

Писал ли Чудаков политические стихи? Нет, он презирал политику и политиков, хотя многие его строки нашими полуинтеллигентами (жертвами образованчины, если воспользоваться словцом Солженицына) могут прочитываться именно сквозь политическую амбразуру. Да вот хотя бысонет «Вниз по матушке», посвящённый путешествию по Волге одного выдающегося россиянина, который свой вояж начал с Симбирска и закончил в Астрахани:

Ильич отсель наш агнец лысоватый
был вундеркинд, а ныне экспонат
висел в петле его мятеожный брат
играла мать кучкистские сонаты...

Чудаков был воистину юродом нашего больного века, соединявшим в себе плутовство, талант и сумасшествие.

Хитроумие позволяло ему до времени выскользывать из расставленных на пути прокурорских силков и крысоливовок. Но и когда браслеты защелкнулись, он предпочёл бараку уголовников психушку и оказался в знаменитой Сычёвке. Оттуда он бомбил меня письмами, требуя звонить заступникам. В его шизоидно расширенной памяти хранились сотни телефонов, в том числе и «адреса, по которым слышны мертвцов голоса». И психушка, сумасшествие занимает в его стихах почетное место, рядом с любовью и смертью.

Надо надо ещё продержаться
этую пару недель до весны
не заплакать и не засмеяться
чтобы в клинику не увезли.

Чудаков обладал замечательным даром возвращать слову его доказавшое первородство. Однажды, когда мы шли через Москворецкий мост, он схватил меня за рукав и с неподдельным ужасом воскликнул:

— Гляди, какая страшная надпись! — он сделал движение, словно раздирая что-то руками, и воскликнул: «От-де-ле-ни-е связи!..

Свои стихи, бережно собираемые мною много лет, Чудаков отнял, выкрад у меня и, конечно, потерял. В романе «Час разлуки» я попытался поймать какие-то его черты на кончик пера, назвав Смехачёвым, а в «Пляске на помойке» вывел под собственным именем. Ирония и впрямь густо пропитывала его стихи, но была лишь игрушечной шпажонкой против совдубины.

Чудаков развенчивает миф – один из самых устоявшихся – о поколении шестидесятников.

Никакого единого поколения не существовало, а в хрущёвско-брежневской пуще бродили одинокие, помеченные органами бизоны, изредка тоскливо трубившие на просеках. Среди них едва ли не самым одиноким был Чудаков.

Его стихи могут показаться книжными, но многочисленные литературные гарпуны, вонзавшиеся в нарвала-Чудакова, оставляли лишь метины и шрамы, не проникая в его внутренний, испуганный эсхатологией мир. Он шутил, передразнивал Пастернака и Мандельштама, охотно играл цитатами, как, например, из Блока: «Вот зачем в часы заката, уходя в ночную тьму, с белой площади сената низко кланяюсь ему...» Это, мы помним, стихи о Пушкине, который был богом и для Чудакова.

Или чудаковские строчки, вызвавшие ностальгические реминисценции у Бродского:

Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли...

Я нашёл забытый листок в старой книжке – стихи Чудакова и клочки диалогов с ним.

Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки
фатально крошатся сквозь непрозрачный мозг
аквариум дермы и госпиталь починки
Дали и Бахчанян под псевдонимом Босх

Труба метро как человекопровод
бесплодный элеватор городской
учебный взрыв больших шампанских пробок
коньячных звёзд падучий гороскоп

– Погоди! Погоди! Дальше будет лучше...

Замедленная съёмка в телевизор
на порох падает ленивая искра
невзврочная возможность катаклизма
бесшумный войлок нотного листа

Не подчинюсь не примем во внимание
дрожанье глаз дыханье и касанье
переверните мир одной ресницей
друг сумасшедший брат мой бледнолицый

– Мерзавец, оставил бы две строчки, остальные пачкотня...
– Нет. Я считаю, что это горящее здание с отдельными выходами.

Но я забыл, забыл его главную поэму¹⁾ (а ведь была еще и вторая – «китайская»!). Позабыл и про девчонку с Оленьей губы, мотыльково залетевшую в Москву, которую отбил у Чудакова.

Я знаю могила конечныйnochleg
похитил девчонку Михайлов Олег
поднимем за это последний стакан
с последней бутылкой пойдём на таран.

В декабре 1973 года по московским гостиным прошелестел слух, что Чудаков, пьяный, замёрз в каком-то подъезде. Из-за океана на это оперативно откликнулся длинным стихотворением «На смерть друга» Иосиф Бродский.

Но Чудаков и на этот раз изловчился и обманул судьбу. Он воскрес в своём «бесцветном пальто», снова продавал девиц, обманывал, сутенёрствуя, «лиц кавказской национальности» в гостинице «Россия» (раз они поймали его и порвали ему рот; «Рот мне зашили бесплатно, – хвастался он мне по телефону. – А сто зелёных в носке!»). А затем, в свой черёд, любезно пропустил вперёд и знаменитого автора эпитафии, во рту которого, конечно, Харон нашёл причитающуюся ему драхму...

Когда умерла его сумасшедшая мать, Чудаков – уже в свободные времена демократии – решил сдать свою однокомнатную квартиру на Кутузовском проспекте каким-то кавказцам. Конец был предопределен. Сперва он сам, хорошо подогретый жильцами, подходил к телефону; потом голос с акцентом отвечал, что Чудаков спит; а дальше ин-

¹⁾ Речь идёт о «Курортной поэме» (с. 74–76 нашего издания).

тересующегося Чудаковым грубо обрывали: «Такой здесь не проживает». Ясно, что его, опоив, заставили подписать заявление о передаче квартиры и зарыли в каком-нибудь Одинцове. Как и у его французского предшественника Франсуа Вийона, дата и место смерти Сергея Чудакова неизвестны.

1

Олег Михайлов

* * *

Останусь псевдонимщиком и негром
Сожжённой пробкой нарисую грим
Просуществую каторжником беглым
От плоти толп ничуть неотделим

На сборищах с оттенком либеральным
В общественных читалицах стихов
Приятно быть мне существом астральным
Актёром не произносящим слов

О суетный! вернись в свою конуру
О мой лицо домашнею водой
Мучительно играть в литературу
И притворяться голубой звездой

Постигни как и я обыкновенье
Короткой жизни продлевая нить
В остывший чай накладывать варенье
С простой подругой скромно говорить

* * *

* * *

Отцвели георгины
Как-то сразу и вдруг.
Ты проводишь с другим
Свой гражданский досуг.

Кофе с водкой бессонно,
В печке танец огня,
Чёрный блин патефона
Развлекает меня.

Я живу, как в гостинице.
Дождь идёт проливной.
Александр Вергинский
Поёт про любовь.

Эта страсть непростительна
И дождём сожжена
Есть одна лишь пластинка —
Тишина. Тишина

И осенией материи
Золотые клоки
Опускаются с дерева
На железо реки.

1956

В министерстве осенних финансов
Чёрный лебедь кричит на пруду
О судьбе молодых иностранцев
Местом службы избрали Москву

Вся Москва непотребная баба
Прожигает свои вечера
На столах серпуховского бара
Отдаётся её ветчина

Франц Лефорт был любитель стриптиза
«Фсье дъела» он забросил в сортир
И его содержанка актриса
Раздевалась под грохот мортир

Табакерка не выдаст секрета
Охраняет актрису эмаль
Музыкальная тема портрета
До сих пор излучает печаль

Фотографии девушек взрослых
В письмах к воинам на паспорта
Чёрный лебедь базарная пошлость
Неземная твоя красота

В ассамблею на верфь и на плаху
Не пошлёт маркитантки рука
Отчего же я морщусь и плачу
Не вдохнув твоего табака

* * *

Ипполит, в твоём имени камень и конь
Ты возжёг в чреве Федры как жжёнку огонь
И разбился как пьяный свалившийся в лифт
Персонаж неолита жокей Ипполит

Колесницы пошли на последний заезд
Зевс не выдаст товарищ Будённый не съест
Только женщина скажет программку в руке
Чуть качнула ногою в прозрачном чулке

Ипполит мы идём на последний виток
Лязг тюремных дверей и мерцанье винтовок
Автогонщик срывается кончен вираж
Всё дальнейшее недостоверность мираж

Я люблю тебя мальчик сказала она
Вожделением к мёртвому я сожжена
Мне осталось напиться в ресторане «Бега»
Мне осталась Россия печаль и снега

* * *

Запевают самолеты ТУ
Их на поле видно за версту
Словно пчёлы очертаний странных
На бетонных сотах шестиугольных

Налетает грозный аквилон
Рвёт из рук посадочный талон
Нашу жизнь ведёт автопилот
Наша жизнь идёт наоборот

Распивай с попутчиками спирт
Затевай с попутчицами флирт
Как аквариум и как фиорд
Светится ночной аэропорт

Улетают самолеты ТУ
Преодолевают пустоту
Созерцают представитель прессы
Молодую ножку стюардессы

* * *

Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли
Попросив тарелочку морошки
Он скончался возле книжной полки

В ледяной земле из мёрзлых комьев
Похоронен Пушкин незабвенный
Нас ведь тоже с пулями знакомят
Вешаемся мы вскрываем вены

Попадаем часто под машины
С лестниц нас швыряют в пьяном виде
Мы живем – вознёй своей мышиной
Небольшого Пушкина обида

Небольшой чугунный знаменитый
В одиноком от мороза сквере
Он стоит (дублёр и заменитель)
Горько сожалея о потере

Юности и званья камер-юнкер
Славы песни девок в Кишинёве
Гончаровой в белой нижней юбке
Смерти с настоящей тишиною

Памяти Луи Вашканского

Вот и кончилась эпоха
для посаженных сердец,
начинается эпоха
пересаженных сердец.

Раньше был бомбометатель
мифов века демиург
а теперь нарыв метафор
режет ножиком хирург.

Кровь и гной – металл из тигля
плещет, рвётся убежать;
как ужасно сердце тигра
в тело кролика сажать.

Пам, красотка, ай-ай-ай,
сердце ваше цело,
но оно в другой трамвай
молча пересело.

Я слегка обескуражен
тем, что я не пересажен,
я хотел бы пересесть
в мир, который где-то есть.

Сердце в уровень мотора,
наливающего ртуть,
поместите в мир, который
существует где-нибудь.

Из-под ног теряю почву,
подбородок мну в горстях
я искусственную почку
пьяный позабыл в гостях.

Ах, давай с тобой украдкой
призаймёмся пересадкой.
Ты, слегка потеребя,
насади меня в себя.

Январь 1968

* * *

Читаете вы Бокля
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля
Возьмите-ка бинокль
Н.А. Некрасов

Дело оперы и балета
Это опиум для народа
Там томится юный мечтатель
Он красотки лорнирует ложу
И томится иной мечтатель
Он другую лорнирует ложу
В этот день на местах приставных
Слишком много людей подставных
Ах, сокройте снаряд ваш опасный
Посмотрите балет наш прекрасный

История и нынче
Выходит так на так
Я не читаю Ницше
Смотрю балет «Спартак»

Колеблет задник Рима
Народный катаклизм
Талантливая прима
Впадает в эротизм

Она себя как кошку
Совьёт и разовьёт
И быстро ножку ножкой
С большим искусством бьёт

А рядом кто-то предан
И кто-то был сожжён
И сталинскою премией
Посмертно награждён

Они вскричали «браво»
Одним движеньем взмыив
И в общем крике, право,
Никто не слышал взрыв

Нежны танцовщиц руки
Железен их пунт
Но я умою руки
В уборной как Пилат.

Пусть гибнут два бандита
Министр и террорист
Не надо динамика
Тем кто морально чист

.....

Плебейский романс

О душа, не уходи из тела
Без тебя я как пустой бокал.
К продавщице штучного отдела
Я безумной страстью воспыпал.

Как приятно быть интеллигентом –
На допросах говорят «на Вы»
Мол, читали «Доктора Живаго»?
Мы вас высылаем из Москвы.

Что ж, напьюсь, пускай возникнет пьянка
Спутник пьянки – головная боль.
О душа, ты как офицантка
Подаёшь дежурный алкоголь.

О душа, покрытая позором,
Улетай, но только не сейчас.
Ангел притворяется лифтёром,
Прямо в звёзды поднимает нас.

* * *

Спорная добыча полководца
смерть моя и первая любовь
консульства, нейтральные посольства
лёгкий город атомных штабов

продажайте родителя убейте руководителя
абонементные книжечки приобретайте у водителя
городок еврейский порционный
инфракрасный информационный
на загробных линиях метро
живь старо и умереть старо

припев
город мой здесь водятся шпионы
сыск поставлен классно будь здоров
и в мозгу хранятся телефоны
крупных семизначных номеров

припев
я всегда любил гребные лодки
обожал скульптуры невидимки
главки министерства и малины
(вас) карманники и (vas) министры

припев
музыка судьбы простонародна
наша кровь почти водонапорна
на губах и на глазах счастливца
тополиний пух не шевелится
(тополиний пух в разгаре лета
что-то вроде оперного снега
что-то вроде карнавальной смерти
наподобье проходящей жизни)

* * *

С милицейских мотоциклов
Документы проверяют
По наклонной по наклонной
По наклонной я качусь
Я законный я исконный
Ультралюпенпролетарий
Кроме секса кроме страха
Я лишён гражданских чувств.

* * *

Чем подорван организм?
Бледством, нервами, куреньем.
Вот и встретишь коммунизм
Хворями и настроением

Нездоровый цвет лица
Шалость сердца или почек
Обывателя-жильца
В поликлинику листочек

Ты не сделал ничего
Не рассыпан и не понят
Сколько их, куда их го-
Сколько их, куда их гонят...

Пустяковина одна
Где-то лопнет в человеке
Потому что жизнь скучна
Словно очередь в аптеке

Вот слюною брызжет шприц,
Он скрипя вонзится в мякоть
И кортеж осенних птиц
Над тобою будет плакать

Кто ты? Деятель и зритель,
Битник, вождь народных масс
Смерти пятновыводитель
Без следа выводит нас

* * *

Этот мир простой и страшный обречённо обтекая
Как плевок на сотню брызгов я разбился об него
А вокруг толпа сгустилась мне подобных обрекая
Муравьиного безумья состоялось торжество
Бога нет и вместо бога не придумали протеза
Чтобы в рамках джентельменских это быдло удержать
Но учёный с пятым пунктом взял контейнер из железа
И вложил кусок урана с маркой 235

* * *

Л.Е.Ф.

Во всю прохожим льёт за шею
И водосток дудит в дуду
Я этот дождь перееврею
Пережидаю пережду

Но он какой-то постоянный
И как утопленник в реке
Весь в орденах гуляет пьяный
В мертвецки мокром пиджаке

Эон сюрпризов и экзотик
Того гляди что некий тип
Тебе в лицо раскроет зонтик
Иль даже водородный гриб

И вот уж повествуют гиды
Как погружались мы с тобой
Из пресноводной Атлантиды
В Помпею влаги дождевой

Представь что капли отмелькают
Бредёшь в нетрезвой голытьбе
И только ноги промокают
И сохнут искры в голове

* * *

Вот студентка о чём-то мечтает
Вот военный качает ногой
Пожилая гражданка читает
Бабаевского «Свет над землёй»

Я угадываю их заботы
Их житейского мышления гул
Эта девушка едет с работы
Этот парень чего-то хлебнул

В обстановке служебного дела
И на кухне в семье у стола
Всё на свете гражданка успела
Бабаевского вот не прочла

* * *

Ничего не выходит наружу
Твои помыслы детски чисты –
Изменяешь любимому мужу
С нелюбимым любовником ты

Ведь не зря говорила подруга
Что находишь ты в этом шуте
Вообще он не нашего круга
Неопрятен, живет в нищете

Я свою холостую берлогу
Украшаю с большой простотой
На стене твою стройную ногу
Обвожу карандашной чертой

И почти не добившись успеха
Выпью чаю и ванну приму
В телевизор старается Пьеха
Адресуется мне одному

Надо, надо ещё продержаться
Эту пару недель до зимы
Не заплакать и не рассмеяться
Чтобы в клинику не увезли

Светский роман

Мы с Вами повстречались на коктейле
В посольстве слаборазвитой страны
Мои манеры были так корректны
А Ваши ноги дьявольски стройны

А тут ешё бесплатные напитки
Бесплатная зернистая икра
А тут ешё бесплодные попытки
Занять до завтра полтора рубля...

И сразу чувство грудь мою взорвало
И сердце мне ожгла как будто плеть
Ваш муж меня принявший за накала
Вовсю меня пытался оттереть.

И я представил: ночь и солнце юга
Вина со льдом приносит нам стюард
И ты лежишь прекрасная подруга
В купальнике с отделкой леопард

Ваш муж ушёл и с кем-то он вернулся
И этот «некто» сделал строгий знак
Рванул я на балкон и завернулся
В довольно пёстрый иностранный флаг

Вас увезли в большом автомобиле
Меня рвало не находил я слов
Как будто в грудь мою ногами били
Десятки слаборазвитых послов

Провал в любви – причина недовольства
Отныне чёрный цвет в моей судьбе
С тех пор я больше не хожу в посольства
И не ищу конфликта с КГБ

В светской толпе или в творческом клубе
В мелком бухгалтере в крупном поэте
Есть человек не в бушлате а в шубе
Личность не в карцере а в кабинете

О как несчастен и как ограничен
Он исповедуя псевдосвободу
Не проходя через строй зуботычин
Ты неглигируешь русской судьбою

Сон в стиле Блейка

И ёщё дала погода
отвратительный прогноз
будет дождь четыре года
и двенадцать лет мороз

И такое время будет
что врагу не пожелать
сено бешеное будет
скот и травы пожирать

Отчего пальба и флаги
и внезапно бьют под дых
это всё антропофаги
в странном качестве святых

И с разгоном как на треке
чтобы скорость не унять
все отравленные реки
потекут отравой вспять

Навсегда тупое быдло
победит подобных мне
я проснулся это было
в безобразном русском сне

1967

* * *

Произведён машинный поиск
посредством псевдоопераций
в музее пограничных войск
и пограничных ситуаций

произведён машинный тест
опубликована анкета
музеем самых общих мест
некоторого существующего света

не затеряться ли в пыли
отдела древних поступлений
музейчика криминали-
стики и полупреступлений?

привычки дикарей их быт
благословил смог исказиться
и прочитал: музей закрыт
для полной смены экспозиции

18 ноября 1969

* * *

С полдвиженья Магдалина
Так и замерла в посте..
Ослепительный мужчина
Умирает на кресте

Вот и жизни половина
Магдалина Магдалина
Ты мучительно близка
С расстоянья волоска

Но охранник не был поцом
Не в малиновый сироп
Он макает губку в оцёт
Надевает на усоп

Палестина Палестина
Сионисты Аль Фатах
Лёгкий очерк Магдалины
В обольстительных чертах

И пока войска стреляют
По суэцким берегам
Дипломаты восклицают
Магдалина, шерш ля фам

Ты закатываешь око
Произносишь Магдали...
Море Мёртвое широко
Разливается вдали

* * *

Пианино диваны ковры
Полированные буфеты
А над ними как топоры
Термоядерные ракеты

Комфортабельный быт мещан
Онанизм в солдатских казармах
Поклоненье таким вещам
Мне в порядке вещей казалось

Это столп или крепкий оплот
Социальный литой фундамент
То что жизнь твою напролёт
Как могильная насыпь давит

Импотентов позорный бордель
Из газетной построен бумаги
Люди склеились как карамель
В тёплый день на прилавке в сельмаге

Боже-господи, выдь на момент
В этот мир твой полутораспальный
И зубной социальный цемент
Преврати в динамит социальный

1968

* * *

Не пора ли тебе покончить
Самострелом самоубийством
Как любил говорить покойник
Это было б тотальным свинством

Как любил говорить усопший
Хорошо застрелиться в общем
Как любил говорить загробный
Это было бы бесподобно
(это всё говорил ушедший
потому что был сумасшедший)

* * *

Памяти ...

Мореплаватель егерь и пахарь
Или узник в холодном краю
Человек остаётся как сахар
Нерастаянный в этом чаю

Л лицо перепачкано мелом
И по мерке подогнан футляр
Человек застрелившийся в целом
На остывший похож самовар

* * *

В пальто с какого-то покойника
Приехал полумертвцом
Наверно соловья-разбойника
Напоминаю я лицом

И лагернику в несознанку
Придётся раз попался в сеть
Надвинуть шапку невидимку
И свистом внутренним свистеть

* * *

Как новый де Грие, но без Манон Леско
Полкарты аж в Сибирь проехал я легко
И, дело пустяка, проехал налегке
Четырнадцать рублей сжимая в кулаке
Перевернулся мир, теперь другой закон
Я должен отыскать туземную Манон
Разводку, девочку, доярку, медсестру
В бревенчатой избе на стынившем ветру

* * *

Чем питается ссыльный. Чем Бог пошлёт
Перелётную птицу стреляет влёт
И в болотную рыбу летит динамит
Когда чувствует он аппетит
Что мечтается ссыльному знает чёрт
Он приехал фланёром на антикурорт
И последние деньги тратит на флирт
С местной дамой по имени спирт

Люди которым я должен деньги умирают
Женщины которых я любил дурнеют
А над Москвою осенние листья сгорают
И незримые зимние выюги как призраки веют
Мне 30 лет я полон весь пустотою
Я разминулся с одной единственной тою
Предположим сейчас она школьница пятого класса
Золотиста как ангел с разбитого иконостаса
Ты здоровый подросток ты нимфа не нашего быта
Я прочёл о тебе в фантастической книге «Лолита»
Засушите меня как цветок в этой книге на сотой странице
Застрелите меня на контрольных следах у советской границы
Я за 10 копеек билет в кинохронику взял без скандала
Я на тайном свиданье с чужою страной в темноте кинозала
Я увидел тебя и в гортани немые сольфеджи
Да, ты в классе но только не школы а просто колледжа
Вот одетая в джинсы ты сжала в ногах мотороллер
В иностранную осень вписался оранжевый колер
Слава богу что ленту цветную снимал оператор бедовый
Кожуру апельсина срезая спиралью как образ готовый
Люди которым я должен живите подольше побольше
Женщины вас я любил не дурнейте никак не дурнейте
Время своё среди вас исчерпал я и прожил
Дайте побывать на другом пусть хоть призрачном свете

1967 (?)

* * *

Случается лимонная весна
И жизнь как неразрезанная книга
И земляничный вкус молдавского вина
И с милой женщиной беспечная интрига

Но входишь в тень и холод вдруг сырой
Вполне яицким ужасом насытит
Так в эпосе меняется герой
И в лирике меняется эпитет

Одеть непробиваемый мундир
Лунопроходца или космолаза
Пусть искривляется безумный чёрный мир
И пятна солнца пляшут как проказа

А всё-таки забавно осязать
Концом ботинка в хрупкой луже льдинку
И на бумаге это рассказать
Карандашом вчерне и под сурдинку

Лунная полька

Люди ездят на луну
Едят искусственную икру
Я подумал: Ну и ну!
Всё равно ведь я умру.

То, что ты меня берёшь
Розовым дрожащим ртом
Не закроет эту брешь
Ждущую меня потом

Это всё прогресс и бред
Это есть и это нет
Шаг — прыжок тебя ко мне
На танцующей луне.

* * *

Неуёмный приятель шотландец Лермонт
Ты убит ты закрыт на учёт на ремонт
Повернулся спиной к тебе горизонт
Прекращается бал все уходят на фронт

Твой чеченец лукаво на русских смотрел
Он качал головой на всеобщий расстрел
Для него стихотворный стирается мел
Лиши слегка проступает буквою «эл»

Неужели тебе ненавистна резня
Лучше с бабой возня или с властью грызня
И сказав без меня без меня без меня
Ты мерцаешь блазня и прощаешь дразня

Где-то в слове Россия есть слово топор
В чьей широкой щеке для гаданья простор
Как младенец открои перевёрнутый взор
На безумье на скуку на выстрел в упор

Это было прошло но подумай старик
Для чего протекает река Валерик
Сквозь меня сквозь тебя через весь материик
Это кровь или только панический бзик

Император сказал посещая бордель
Мир Европы правительства русского цель
Стонет бабка в Тарханах связался Мишель
С подзаборной камелией Омер де Гель

Для бежавших презревших классический плен
Это ордер на смерть стихотворный катрен
И одну из не самых удавшихся сцен
Горизонта спасает мистический крен

Мы серебряной цепью замкнём фолиант
Чтобы в нём не копался доцент-пасквилянт
Чтобы сунуть не смел ни в донос ни в диктант
Каплю крови рубин и слезу бриллиант

1967 (?)

Уличный художник

О нет, он мелочи не просит,
Здесь не Париж – СССР.
Он карандаш вперёд выносит
И пальцем пробует размер.

Зачем, страна, тебе художник
И красок сохнувших Сократ?
Подъесаул и подхорунжий
Тебе полезней во сто крат.

Искусствовед в своём цинизме
Вещал толпе, кривясь хитро:
В советском псевдоурбанизме
Имеется Камилл Коро.

Солдат с ухмылкою на роже
На вещь и местность посмотрел
Сказал, что вовсе непохоже
И почему-то погрустнел.

Полуинтеллигент-безбожник
Блеснул теорией тупой
Что этот уличный художник
Обычный уличный слепой

И дама с очень крупной дыней,
С кошулкой полной глубины
Прошла своей походкой дивной
Не повернувши головы.

Художник был ни стар ни молод,
Ни в свитере ни в пиджаке,
Ни бреда и ни протокола
Ни на холсте, ни на доске.

* * *

В летнем небе вспыхнула звезда
в местном клубе крутится кино
и нас уже не тянет никуда
нам идёт сидеть и пить вино

В нашем деле некуда спешить
нашим рекам некуда впадать
хорошо селёдку потрошить
а потом как следует поддать

Жил поэт и вот был сослан он
далеко на самый край земли
в виде наказанья телефон
в хижину его не провели

И к душе покой и благодать
подступили как девятый вал
даже что-то начал он писать
и потом торжественно порвал

Он мечтал что будет он богат
и услышит славы смутный гул
старенький и голый он халат
на груди цыплячьей запахнул

Всё чем был он подлинно велик
больше ты не слушай никого
и переведи на свой язык
жизнь его и смертный час его

* * *

О как мы легко одеваем рваньё
И фрак выпрямляющий спину
О как мы легко принимаем враньё
За липу чернуху лепнину

Я двери борделя и двери тюрьмы
Ударом ботинка открою
О как различаем предателя мы
И как он нам нужен порою

Остались мы с носом остались вдвоём
Как дети к ладошке ладошка
Безвыходность климат в котором живём
И смерть составная матрёшка

Билеты в читальню ключи от квартир
Монеты и презервативы¹⁾
У нас удивительно маленький мир
Детали его некрасивы

Заманят заплатят приставят к стене
Мочитесь и жалуйтесь богу
О брат мой попробуй увидеть во мне
Убийцу и труп понемногу

* * *

Все четвертьтона и полумеры
Холостые залпы в пустоту
Пушкин умирает от холеры
Не доехав Болдина версту

Конского навоза листьев дряни
Слиплось на подмётках и ступнях
Осенью ещё готовят сани
И стоят одной ногой в санях

Ноги по задрипанной одёжке
Вытянул и выгнулся хребтом
Хрипло просит «дайте мне морошки»
Это он успел сказать потом

В измерены божеского срока
На расхристе дьявольских стихий
Дорогят в библиотеке Блока
Пушкина бессильные стихи

Синь когда-то отшумевших сосен
Пустота сводящая с ума
Что такое Болдинская осень
Ли не знаю в Болдине зима

7 марта 1970

¹⁾ автор выворачивает карманы

* * *

У тебя особая улыбка
Ты живёшь в наркотике в тоске
Из аквариума выбросилась рыбка
И лежит на шахматной доске

Наступает исполненье сроков
Сердце обрывается в груди
Шахматы – о них писал Набоков –
К сожалению проза впереди

Эти люди в клетку и в полоску
Ради смеха достаются со дна
Камбалу на шахматную доску
И тогда меняет цвет она

Слушай рыбка, ты не золотая
Ты из радуг вроде райских птах
Серебром чешуек облетая
Остайшься при своих цветах

И уже наркотики галактик
Пожирая шахматным конём
Я не брежу, я посмертный практик
Рыбка мир! И мы с тобой уснём

* * *

Мой любимый поэт О.Э. Мандельштам, еврей из Петербурга
Убит за кражу концлагерной пайки
1940 год.

Это легенда, никто не верит.

Мой любимый художник Ю.Ю. Соостер, эстонец с острова Саарема
Умер от сердечного приступа ночью один в мастерской
Семь лет он пробыл в концлагере, в его память мы выпили водки
1970 год.

Мой любимый композитор уличный шум

Шелест машин, болтовня школьниц прогуливающих уроки
Я пока на свободе, вернее свобода на мне
Почиет как благодать хрупка и недолговечна

Юло, ты писал кусты можжевельника

Любимой формой твоей был овал яйца

Т'сбе приснился ангел, сказал «пиши можжевельник»

Тысячу кустов можжевельника ты мечтал написать

Соостер по эстонски означает смородина

Рыбина перебирается к дубу, смородина к можжевельнику

Каждый из нас растение. Всё человечество

Суетный и мельтешащий дендрарий

Замаскированные армии надвигаются друг на друга

Как будто один Бирнамский лес идёт на другой

В пристольном кругу яблони с лопатой встал человек

Он дерево помогающее собрату

Дерево слева безумно, дерево справа мертвое

И падает на вскопанную землю яблоко ушибленное морозом.

* * *

Эта походка как старая лента
Синематичных директорских лож
Что вызывает в душе импотента
Не до конца позабытую дрожь

Перебирай же худыми ногами
Грубый асфальт каблучками дави
Секс это выжимка всех моногамий
Вместе с глотком коллективной любви

Ты неприлична и я безразличен
Оба мы старимся в русской грязи
Страх перед пошлостью преувеличен
Выпьем ка водочки в этой связи

Боги событий партийные боссы
Организаторы массовых драк
Сунут в ответ на любые вопросы
К вашим ноздрям волосатый кулак

Что ж помолчим будем жить по старинке
В мелких грехах в деловой суете
И разрешим патефонной пластинке
Ряд бесконечных её фуэте

Странная женщина ваша походка
Что-то напомнила или скорей
Это знакомо как бухта Нахodka
Или как вышки вокруг лагерей

Милая женщина встретиться с вами
Прорубь на полюсе я не совру
Отдохновенно как пауза в драме
И безнадёжно как снег на ветру

* * *

Не слишком я люблю четвертьтона
И птички полуотиски мгновений
Наискосок обрезана луна
Как бы кружочек теста для пельменей

Деревья голы ранняя весна
У школьниц мельтешащие колени
С одышкой жизнь твоя восходит на
Затоптанные верхние ступени

Портрет героя: в скальпе седина
В кардиограмме дьявольские тени
И зажигает в нём стакан вина
Не свет мечты а лишь мерцанье лени

Сонет погиб там брезжила одна
Смешная мысль но выйдет современней
Забыть её другие времена
Другой ориентир для песнопений

Так заслонимся створками окна
От шабаша наивнейших растлений
Стань шкурой кисть стань холст пучками льна
В костёр сонет и не рождайся гений

И что там грянет мир или война
Правительств, шаек, рас и поколений
Висит себе на радиоантенне
Обляянная кошками луна

Хорошо или плохо жемчужина
Эта устрица просто больна
Там винтом корабельным контужена
Отравилась бензином она

Как нейтральный подводный трудящийся
В ожидании сверхчервяка
Я плыву к тебе рыбкой светящейся
Соболезнущую в полплавника

Ты опять проморгал и проспорил
Страшный блеск ядовитой звезды
На обычном подводном просмотре
Есть иллюзия чистой воды

Не иллюстрации краплённая корректность
Огнеики текста. Тесты: прошмыгнуть
Суворова трёхгранным кукареку,
Гули-дуры экивоком фюи-фьють

Напудрен снегом император Павел,
И на плацу он форменно что бог,
Ой уважать себя заставил,
Пам жаль его, друзья, он занемог.

Душа невидно и она сжимает
Боль, отупенье, нищету, боязнь
Словно алхимик это превращает
В конечную телесную болезнь.

И в общем зря края карре теорий
В Калининграде херр профессор Кант
Ровнял шпицрутенами категорий
На времени-пространства вахтпарат

Менялся век. Безвечье как увечье
Сейчас проснувшись должно ощущать
Увеличенье утренник утроба
Клонопрост – уфхцчищ

* * *

В тяжёлом сне так хрипло узник дышит
Ползут клопы раскачивая нары
Кто был в тюрьме о ней стихов не пишет
А пишет прозу или мемуары

Как праздник здесь больница и аптека
Собака здесь не друг для человека
Здесь пиршество богов почти диета
И седина как снег в начале лета

* * *

Не стреляйте я военнопленный
Добивайте я ещё живой
Старомарьинский Кривоколенный
Скатертный Медвежий Ножевой

Время шаг печатает солдатский
(В жир асфальта вдавлены следы)
О как был я молод Старосадский
Где же эти старые сады

Я усыновлённый и бездетный
Прислоняюсь к вам больной душой
Толмачёвский и Старомонетный
С Якиманкой Малой и Большой

* * *

Я озаряю светом из окон
Я под прицелом власти и закона
Вот человек выходит на балкон
Хотя ещё не прыгает с балкона

Какая ночь какой предельный мрак
Как будто это мрак души Господней
Когда в чертог и даже на чердак
Восходит чёрный дым из преисподней

О Боже я предельно одинок
Не признаю судьбы и христианства
И наконец как жизненный итог
Мне предстоит лечение от пьянства

Подходит мальчик дядя говорит
Зачем ты пишешь всё на этой книжке
И я участник маленький бандит
В твоей необольстительной интрижке

Я встану и теперь пойду туда
Где умереть мне предстоит свободно
Стоит в реке весенняя вода
И в мире всё темно и превосходно

* * *

Этот бред называемый миром
Рукотворный делирий и сон
Питомологом Вилли Шекспиром
На аршин от земли вознесён

Я люблю театральную складку
Ваших масок хитиновых лиц
Потирание лапки о лапку
Суету перед кладкой яиц

Шелестящий неслышимым хором
В центре ночи средь белого дня
Волоки по своим коридорам
Лабиринт муравьиный меня

Сложим атомы в микрокристаллы
Передвинем комочки земли
Ты в меня посылаешь сигналы
На усах Сальвадора Дали

Браконьер и бродяга не мешкай
Сделай праздник для пленной души
Раскалённой лесной головешкой
Сумасшедшую кучу вспаши

Поднимаешь бокал и ёщё пошалишь
Пусть другого за стенкой приканчивают
Я теперь понимаю что чувствует мышь
Когда воздух из банки выкачивают

Я узнал: человеку отпущен лимит
Интеллекта, свободы прелестной
И ура наконец сумасшедший летит
Из окна психлечебницы местной

Образованы мы обеспечены мы
И без брода не кинемся в воду
Помогите укрыть беглеца из тюрьмы
Помогите борцам за свободу

Мой герой отвечает: какая борьба
Кто виновен и чья здесь заслуга
Раб за горло хватает другого раба
Два дракона сжирают друг друга

Посмотри в микроскоп: эти люди умрут
Сгинут их монументики храмики
Прекращают ослы принудительный труд
Мордой прекращают охранники

Будет меньше фанатиков больше врачей
Сумасшедший получит уколы
Станет модной моделью в стране палачей
Современный учёный бесполый

Можно вирши твои будет тиснить в печать
И публично читать завывая
Так чего же тебе извращённо кричать
И бросаться под ноги трамвая

Мало воздуха в банке: включили насос
На зверьке поднимается шкура
Лаборантка в блокнот записала вопрос
Молодая здоровая дура

Прозрачность

Не вернутся обратно
эти капли и крохи
эти жёлтые пятна
человеческой крови

все на свете пароли
недействительны кроме
содержания соли
в человеческой крови

и волны океана
первобытные брызги
молкнут вдруг многострунно
в человеческом мозге

амплуа сутенёра
продолженье отбора
положенье актёра
на подмостках позора

12 января 1970

Женщина сказала: «брошена»
а мужчина — «вброшен»
дурно пахнущее крошево
выблеванных брашен

Чао, друг, всего хорошего
кайся если грешен
режь его за то что рожь его
шелест шорох страшен

Даром вылетел из грани я
умираю пышно
добровольного изгнания
догорают письма

Подними перо гусиное
исправляя почерк
полицейские усилия
отбиванье почек

Слово падает в чернильницу
на обратной съёмке
мчится юность — труп червивится
на колымской сопке

Если жить в стране насилия
бередить сомнения
то напрасны все усилия
самосохранения

Л бывает Каина печать
вроде предварительного шрама
Пастернак и мог существовать
только не читая Мандельштама

Пастернаку Сталин позвонил
«мы друзей иначе защищали»
позвоночник он переломил
выстрелил из атомной пищали

Где найти такой последний вздох
в личном шарме в лошадином дыхле
чтобы не слыхать ни ах ни ох
чтобы встали все и молча вышли

Где найти такой последний вздрог
невозможный как в конце оргазма
речь идёт о выборе дорог
в месиве триумфа и маразма

Где найти такой последний вклад
(пьяница — последний рубль и доллар)
лихо как сожжённый конокрад
жертвенно как анонимный донор

[1972]

* * *

Те грешники какие вмёрзли в лёд
мечтают все гореть на сковородке
а сковородчики те наоборот
и все мечтают о бутылке водки

Но водки нет в аду сухой закон
кто пил до смерти трезвый после смерти
лишь из Твардовского готовят самогон
какие-то пронырливые черти

Мой лучший кореш цветом словно снег
в пяти шагах от угольной котельной
зато по бабам он активней всех
и в смысле денег человек артельный

Ко мне он впёрся с ведьмою одной
кончай г'ворит в соку своём вариться
сегодня черти объявили выходной
в центральном парке ада что творится

Гашу я под своей кастрюлей газ
попробовал бульон недосолёный
а друг всё время дёргал правый глаз
был в эту ведьму по рога влюблённый

В аду кругов безумный хула хуп
колец Сатурна извращённый вывих
кругом сплошной подземный переход
и только нет нигде таблички выход

Из рая кореш засланный шпион
и я его в кафе ударю стулом
ну а пока
мы из Твардовского поднимем самогон
за мир и дружбу с Вельзевулом

* * *

Смешав привычно водку и вино
я всё-таки сумел прийти на явку
разнообразье в женщинах оно
из человека делает пиявку

И мой тяжёлый алкогольный сон
виденьем прорезается как смыслом
я слышу голоса: подонок он
не чистит зубы месяц как не мылся

И постоянно рваные носки
столь специфичный источают запах
в итоге дёгтя мощные мазки
дают законченный портрет мерзавца

Он обречён и кончит он тюрьмой
все за версту обходят сифилитика
а я подумал сон то лично мой
и эти тексты просто самокритика

В столице и в заброшенном краю
неважно в тунеядстве и сквозь хлопоты
мы создаём вселенную свою
она то разбегается то схлопывается

Захохотать и зарыдать – старо
эстетствовать в стихах – смешно и пресно
галактики центральное ядро
загадочно темно и неизвестно

А в мясорубку в синхрофазotron
попасть всегда охотников до чёрта
но пусть пребудет алкогольный сон
спокойствием и точкою отсчёта

* * *

Написать стихи о лужах
И о птицах, пьющих воду...
Старость нищету и ужас
Позабыть к чертам и сходу

Написать стихи о листьях
Городских, прошедших стирку
Или пару строк нелестных
О белёсом небе сверху

И опять об отраженьях
И о птицах пьющих влагу
Чопорно и отрешённо
Стих ложится на бумагу

Будет лучше или хуже
Но учти что я отметил
Дворников, сгонявших лужи —
По асфальту шелест метел

А ведь плеск и щебетанье
Этих дворников работа
Вовсе не мое призванье
Вовсе не моя забота

Вино печали

Довольно принимать вин трист
Нагитки выпускают кроме
Пусть сумасшедший гитарист
Играет в сумасшедшем доме

На землю сходит божество
Псевдоальными путями
И пальцы бегают его
С большими круглыми ногтями

Мотая серой головой
Как соловей поющий совам
(Он ослязаемый живой
На армии откомиссован

Простай же пальцы в мозг людей
Микроцефалов и микроцефалок
Как десять соколов на стаю лебедей
(Метафора эпохи птицефабрик)

А то попробуй оглянуться на
Прошедшее ретроспективным оком
Протянута гитарная струна
К тебе от Пушкина как проволока с током

Ну так разбрьзни звуки из-под рук
Ну пустьны клетки птичьего базара
Ну их прочих деревянней из подруг
Ну друга рейнская гитара

Ночла сестра колоть иглою в зад
Пропенут симулянты-шарлатаны
Ну напоминаю как маркиз де Сад
Ночил свою улыбку в Шарантоне

Философ каждый чуточку садист
Ну музыканту я ору как в рупор
Довольно сумасшедший гитарист
Ну тычики ты переиграешь руку

Но он подобен миражу
(Все привиденья очень горды)
И сквозь него я прохожу
Как сквозь гитарные аккорды

Прижав гитару из неё
Он жаждет извлекать рояльность
Взаимное небытиё
Даёт почувствовать реальность

18 февраля 1972

* * *

Нет, нас воткнули неспроста
не вследствие ошибок в плане
на неудобные места
в постыдном этом балагане

где провоцируя успех
нахально сочетает автор
фальшивку театральных схем
с анатомическим театром

Суфлёр бумажную стопу
кривыми пальцами листает
герой безмозглую толпу
духовной родиной считает

и обнажив своё нутро
для похотливого кретина
всё так же предаёт Пьеро
маниакально Коломбина

Дурак в ладонки лупит, взвыв,
букет швыряет благодарный

.....
теперь как занавес пожарный
опусят водородный взрыв

* * *

Я тебя не ревную
равнодушна со мной
ты заходишь в пивную
сто знакомых в пивной

в белых сводах подвала
сигареточный дым
без пивного бокала
трудно быть молодым

вне претензий и штучек
словно вещи в себе
морфиинист и валютчик
и сексот КГБ

кто заказывал принца
получай для души
царство грязного шприца
и паров анаши

заражение крови
смерть в случайной дыре
выражения кроме
тех что есть в словаре

я не раб не начальник
молча порцию пью
отвечая молчаньем
на улыбку твою

я убийца и комик
опрокинутый класс
как мы встретились котик
просто слёзы из глаз

по теории Ницше
есть реальность в ином
жизнь загробная нынче
а земная потом

хватит призрачных буден
рванувшись цветки
мы воскреснем и будем
до конца во плоти

о как это красиво
снег и весна
не разбавлено пиво
и закуска сполна

там борьба без подножки
без депрессии кайф
и тебя на обложке
напечатает «Лайф»

как в прожекторе молний
мрак судьбы оттеня
что действует морфий
и тебе на меня

В истории многое пропущено
Но видится в ней интерес
Когда в камер-юнкера Пушкина
Стреляет сенатор Дантес

Не как завсегдатай притонов
За честь а отнюдь не за чек
Прицельно стреляет Мартынов
Честяга простой человек

Нет это не мальчик влюблённый
И даже не храбрый Мальбрук
А просто поручик Солёный
С особым запахом рук

Внизу мелкота копошится
Снегами белеет гора
В истории всюду вершится
Убийство во имя добра

Пусть это пройдёт в отголоске
Какой-то вторичной виной
Расстрелян в советском Свердловске
Один император смешной

И вот наша новая школа
Строюю в поток новостей
Расстрелян наследник престола
Почаще стреляйте в детей

На площади или в подвале
В нетрезвом матросском бреду
Мы раньше людей убивали
Теперь убиваем среду

Как сказочно гибнет принцесса
Реальная кровь на стене
Смертельные гены прогресса
Трепещут в тебе и во мне

Проповедь

Затеяв диспут об искусстве
Снимая фильм чиркая стих
Забыли мы об Иисусе
И о ногах его босых

Звучит рояль и зал немеет
Маэстро просят повторить
Сын человеческий не смеет
Главу где-либо преклонить

О чём шумишь чего пророчишь
Разнорабочий и Шекспир
Не собери себе сокровищ
Не сотвори себе кумир

Хлеб не нуждается в рекламе
Стакан вина так прост на вид
И в золотой фальшивой раме
Портрет любимой не висит

Иисус наш бог не дожил до ста
Ему хватило ровно треть
На этом свете очень просто
Родиться жить и умереть

* * *

Поставлю против света
Недопитый стакан
По ёлочкам паркета
Гуляет таракан

Я в замке иностранном
Как будто Жанна д'Арк
Система с тараканом
Домашний зоопарк

Положен по закону
Простой советский быт
Ушами к телефону
Приклеен и прибит

Я вижу в нём препону
Не надо ждать звонков
Никто по телефону
Не скажет «Чудаков»

Ещё на полку плея
Литературный ход –
На ёлочках паркета
Встречаю новый год

Пью залпом за Бутырку
На скатерти пятно
Прибавь расход на стирку
К расходам на вино

Из этой одиночки
Задумал я побег
Всего четыре строчки
И новогодний снег

Я не возьму напильник
Я не герой из книг
Мой трезвый собутыльник
Лишь в зеркале двойник

Увы, законы жанра
Банальностей полны
Спокойной ночи, Жанна,
Нас ожидают сны

31 декабря 1972

Курортная поэма

Москва экологическая ниша
ты как давно отнятая рука
в которой боль живет щекотка дышит
во сне её министры пожимают
за подаяньем тянемь в электричке
а нет руки и человек тот умер

Мы пленники манеры выражаться
в оковах парадигмы и синтагмы
поверьте мне клянусь я о Москве
почти что чувствую совсем другое
мы все Христы распятые в кроссвордах
бежал князь Игорь но бежать из текста
известной оперы ему слабо

Оптическая паутина слов
вот идеал для «Домика в Коломне»
для безнадёжной речи адвоката
для модного философа науки
для покаяний бывшего троцкиста
и для меня наедине с собой

Нет не словами а костями и плотью
походкой лаской судорогой в петле
измерим разбегание галактик
не зря считал великий Парацельс
что в наши органы впечатаны созвездья
в твой пышный зад вошло созвездье Рака
на узкий лоб созвездие Короны
созвездия Змеи и Скорпиона
нам звёздным ядом тело пропитали
как словно бы в морской воды кристалле
преломлен торс плывущего спортсмена
как древний жук в прозрачном янтаре
(пишу стихи в Сухуми в сентябре
от пьянства в нервотрёпке и жаре
под звуки идиотских пляжных песен)
и если коршун расклевал вам печень
удары клюва брызнут словно звёзды

гадание по ранам и созвездьям
идёт на уровне простого факта

Представьте что в отрезанную руку
впечатаны искусственные звёзды
американский лунник «Аполлон»
десятка два летающих тарелок
консервный ящик мёртвых космонавтов
сгоревших задохнувшихся по пьянке
разбившихся на высшем гребне славы
и перья пены сорванные ветром
указывают призрачной рукой
куда?

волна взметнулась и сломалась
бежит к ногам клубясь песком и грязью

Я в крепость византийскую вошёл
а может быть надравшись местный князь
сё велел рабам своим построить
и стены без марксизма-тейлоризма
блестали циклопическою кладкой
полуприкрыты плесенью и мохом
из них росли грибы совсем не так
как мы в равнинах русских ожидали
грибы из стен росли горизонтально
и шляпки их сидели как заклёпки
заржавленных погибших кораблей

Грузинская старуха инвалидка
рычажною коляской управляет
их собирала
иногда клоняясь
к земле как бы в безумных мотогонках
на повороте ради равновесия
помощник гонщика скребёт собою
дорожный гравий

иногда вставая
отёчным телом словно лев морской
в арене цирка мяч принять готовясь
или в почтенных восемьдесят лет
как Клара Цеткин
открыла заседание рейхстага
под взглядом Гитлера

И словно кнопку райского звонка
вдруг верхний гриб она достать решила
тянулись вены пополам с костями
так призрачная мумия руки
два сантиметра полтора один
стремилась к стартовой смертельной кнопке

Тянишь бабуся человек лишь тот
кто из пределов собственных выходит
вперёд за рамки пенсий райсобесов
над техникой коляски старомодной
превыше творчества на гребне века
ты может быть рукою мертвца
добудешь плесень для своей похлёбки
но добродушно местные бандиты
смотрели на усилия старухи
и ей собрав десятку передали
и я подумал что стихи мои
имеют очевидный недостаток
они не коротки

* * *

Из кого состоит народ
из актёров и лицемеров
из курсантов и милиционеров
из крестьян и наоборот
из рабочих и продавщиц
из доносчиков и шпионов
это смесь посторонних лиц
словно облако электронов

1971

* * *

Осень плещет ветер свищет
человек кредита ищет
выпил красного вина
сразу вырвало сполна
отступает огорченье
наступает облегченье
милость бедным и голодным
кормят яблоком холодным

* * *

Здесь ваш Родос здесь извольте прыгать
в дьявольский котёл в кипящий дёготь
для участья в перегонке дёгтя
в каждый мозг вбивают чувство локтя

Здесь ваш Эрос измельчат на силос
мол держки карман как держат фаллос
шанс пропал и то что не приснилось
хуже чем сгорело и взорвалось

* * *

Я копаю землю в чужом саду
Развожу руками чужой беде
Рыбу ловлю в чужом пруду
В мутной чужой воде.
И вот нетипичный случай один
Плачешь один и смеёшься один
Пьяный в канаву ложись один
Попался! ну что ж, отвечай один.

Как хорошо если б был я слепой
Плакать с толпой и смеяться с толпой

* * *

Ну вот объявлена война
упали бомбы водородные
ты выпил красного вина
и вспомнил цели благородные

о покорении Луны
о наших братьях из Вьетнама
по телевизору должны...
включил безмолвствует программа

о вере в жизнь в закон в семью
о книгах Блока и Камю

* * *

Луна над городом взошла
и как танцовщица вступила...
герой обманутый до тла
верёвку вяжет на стропила

Луну закроют облака
по старой крыше дождь ударит
стропила заскрипят слегка
верёвка выдержит удавит

Филипповой Лиде – заявление

Ах Лида, я погибну скоро
средств не предвидится ни пенса
прошу меня из сутёнера
скорей произвести в альфонса

И вот моя вам котировка
я буду стоять в день трояк¹⁾
советская командировка
обходится примерно так

Зато у нас определённо
блестательно пойдут дела
но проследи чтобы Алёна
меня опять не предала

Любого трахнем мы мужчину
любой мужчина тайный пед
я подарю тебе машину
(с моторчиком велосипед)

Покончим с Рошкой и маразмом
легко поступим в институт
отдастся нам с энтузиазмом
любой мужчина-проститут

Стихи культура наслажденье
любовниками разных стран
и это всё – не наважденье
а трезвый и конкретный план

Воскликнет общество с прононсом
Серёжа наш с недавних пор
великолепным стал альфонсом
а был – паршивый сутенёр

¹⁾ три рубля

* * *

Изобретатель радио — Попов
Его усовершенствовал Маркони
Наташей накормив своих клопов
Я зря висел на вашем телефоне

Прошу простить. К несчастью моему
В последний раз я здесь собрался кушать
Меня посадят радио в тюрьму
Я радио в тюрьме не буду слушать

* * *

Сумасшедшие свой бред
Почерпнули из газет
Как неправильный набор
Психбольницы коридор
Отмечает каждый псих
Мелкий шрифт от сих до сих
Человек на перепутье?
Просто строчки перепутаны

* * *

Вода не переводится в цистерне
Редиска вянет сорванная с грядки
Что скачущей по скалам горной серне
Аэродрома плоские порядки

Как странен грешник не на сковородке
Цветок в петлице узник без решётки
Нога одна зимой в холодной шорте
И человек советский на курорте

13 февраля 1971

ДНК
(Довольно Никаких Концепций)

Дезоксирибо
Дезоксимясо
Виновен ибо
Стоит вне класса

Идёт вне строя
Летит вне цели
Дезоксисбруя
Дезоксицели

Дезоксиближко
Дезоксириядом
Одна стриптизка
Сигналит взглядом

Кругом колоссы
Ажиотажа
Дезоксибоссы
Дезоксистражка

Дезокситанки
Дезоксирохи
(Артист с Таганки
Виновен тоже)

* * *

Дезокси-Р-кошмары
Нельзя надеть пока
На нить струны гитары
Спиралью ДНК

Дезоксибратство
В ура в гип-гипе
Дезоксиблядство
Дезоксихиппи

На ДНК вознёсся
Дезоксиаркоман
Дезоксикозынстыры
Наполнил он карман

Различные дезокси
Живут по нуклеину
Один дезокси вовсе
Другой наполовину

И пусть бурлят как муки
Тимин и аденин
В свиданье и в разлуке
Один, всегда один

В жестоком цирке Рима
В железной клетке Зоо
Давай, дезоксирибо
Дезо, старик, дезоо

Бумажный тигр

Хватит думать
составители бумаг
вас погубят
самый плоский в мире враг

Бумажонку
и на свадьбу и в сортир
шам печёнку
сст и ест бумажный тигр

Проедает
нашу жизнь десятки лет
пропаганда
как бумажный людоед

Заменяет
нам и Запад и Восток
патироный
или фильтровый листок

Мир бумаги
здесь на всех ответ готов
мы во мраке
сверххулонов сверхлистов

В песне выход
нарисованная дверь
пойте тихо
за стеной бумажный зверь

Пьянство баба
развлеченья комплекс игр
пойте слабо
за стеной бумажный тигр

Все дороги
и книжный Рим в бумажный Тибр
есть вам смена демагоги
этот зверь бумажный тигр

Осень

Оранжевая золотая
С дубов слетает с клёнов с ив
Лесные власти отступая
Бросают в панике архив

* * *

Пусть палачи усердие устроив
наглядно убеждаются опять
что авторов а также их героев
не до конца удобно расстрелять

И вот к чертам не досаждая богу
они доехали а мы ещё в пути
всю жизнь пройти и поле перейти
я помолюсь им и они помогут

Метель и дождь безумной жизни хаос
глядишь на солнце а в итоге мрак
и человек с его обычным хамством
побил жену и побежал в кабак

Он лишь статист одной из многих серий
сказать спокойной ночи малышам
пока там ключ от номера берёт Сергей Есенин
и пайку в камере имеет Мандельштам

* * *

Я хочу вина и пива
Станет легче на душе
С точки зрения Разлива
С милой рай и в шалаше

Положение такое
Мы хотели бы достичь
Чтоб с полтинника рукою
Путь указывал Ильич

* * *

При открытии закона вздрогнет физик и биолог
При открытии шампанского вздрогнет женщина привычно
О как просто мир устроен мчатся атомы куда-то
И сдают пальто швейцару посетители шашлычной

За стеклом большим и глупым трепыхаются снежинки
Палец в палец не ударит старый пьяница у стойки
Звук застыл остановились патефонные пластинки
В пламени пурги смешались бидонвили-новостройки

* * *

Всем подарена лёгкая смерть
Но подарок не каждый возьмёт
Девочка осмотрев некрасивую куклу говорит
Мама давай откроем коробку
Через две недели на старый новый год

* * *

О человек, претензии твои
Безмерны!
Себя вообразил ты горсткой праха
Неправда!
Всего полгорстки

* * *

Не хотел бы я строить особых жизненных планов –
слушать краешком уха как падают листья с платанов
завершаясь о жизнь и шутя на меня оброни
тихий шорох фольги лёгкий шелест осенней брони

* * *

Жизнь идёт вытираются польта
входит август уходит июль
репетиция смертного пота
пожиранье аптечных пильоль

* * *

Пока твой папа верил в шорох слов
Смешной протест он вырастил в ребёнке
Ты захотел систему личных снов
Перепечатать на казённой плёнке

* * *

Поздний час и буфет запирают
Алкогольный кончается бзик
Шифром гибели стих возникает
На полях недочитанных книг

* * *

2

Любовь и пьянство, поиски успеха
Всё это сжато в скорлупу ореха
И всё так просто, так легко и рядом
Жизнь как цветок и смерть как перстень с ядом

* * *

Приходят разные повестки.
Велят начать и прекратить.
Зовут на бал. Хотят повесить.
И просят деньги получить.

И только нет от Вас конверта,
Конверта и открытки в нём.
Пишите, лгите. Ложь бессмертна,
А правда — болевой прием.

Но почтальон опять не хочет
Взойти на пьедестал-порог,
А может быть, ночную почту
Ночной разбойник подстерёг.

Какая в том письме манера?
И если холод, если лёд
То пусть разбойник у курьера
Его и сумму отберёт.

А если в нём любовь и ласка,
То нужно почту торопить —
На лёгкой голубиной лапке
Кольцо с запиской укрепить.

И небо синее до глянца
И солнце сверху на дома
И воркование посланица
И воркование письма.

Скрипичная соната

Чушка, чушка,
почешу за ушком.
(Ласка)

I

Купоросу
К опоросу

Свиноматерь изсебейный
приПЕРЕплод вколбасила
Лу-Жи-Жа Мерзь баКрово
Жирвотное
Животное
Сохлевники, однолохане
каБанаально соблезнуют
Хряквием
Хрюквием
Транзительно
Ръльвииии!!!!
Пара перлов скрыла срыла
в Навозъ
Петух разгребет АВОСЬ
Но убей
На обед
Ниобею
ГИЛЬОТАК!

II

Ценят центр мяс
Шкур куш
Кишки ж
Св и и тв и и ты (ШТПР)
На-
де- де-
ты ку
Жиг-жиг шик? шик
Брааа... Рааа... РВЕЛЬ!
Чёрные изручины
Ивгриф циркуэно
Семь пальцев левой
крючены
Маэст Маэстч
ризбрзыгил душу
душем
Во всякий глаЗЗЗалу
СлеЗуй
ЛюстРЫдали
и дали
Фоэхом
Ръльвииии!!!!
Апофеоз свинины =

* * *

Самоубийство есть дуэль с самим собой.
Искал ты женщину с крылатыми ногами,
Она теперь заряжена в нагане,
Ружейным маслом пахнет и стрельбой.
Инфляция листвы как биржевая рьяность.
На улицах дождей асфальтные катки.
Твой демон смерти стал вегетарянец,
Теряющий салфетки и платки.
Забывчивостью старческой несносен,
И умственно немного нездоров,
Но в бесконечность отправляет осень
Скупые призраки почтовых поездов
Когда дышать игрою больше нечем
Давайте выдох на конце строки
И взрежут ненависть, похожую на печень,
Звенящими ножами мясники.

* * *

Когда кричат:
«Человек за бортом!»
Океанский корабль, огромный, как дом
Вдруг останавливается
И человек
верёвками ловится
А когда душа человека
за бортом
Когда он захлебывается
от ужаса
и отчаяния
То даже его собственный дом
Не останавливается
и плывёт дальше!

Железная дорога

Под поезд бросалися шпал поперечины,
ложились людей поперечины в нём,
и стуки колёс были стыками встречены,
и встречены были зелёным огнём.
Зелёным, и стукало сутки за сутками
в наручных, карманных, вокзальных часах,
потворствуя нагромождению утвари,
корзинам и девочке, кущавшей сахар.
А ржавые роши с подтёками окиси
тянулись к вагонам, к глазницам окон их.
Осеннняя карта в оптическом фокусе,
как карточный фокус, один из знакомых.
Пейзажи, обед и названия станций,
названия станций, пейзажи и ужин,
и я не жалею о тех, кто остался:
оставшимся будет, по-моему, хуже.
И я не истрачу почтовой бумаги,
белёсой, шершавой, похожей на воздух...
Я продал твой адрес за жёлтые флаги –
за храбрые крики чужих паровозов.

Дождит. Спреферансены дачники кучами,
Хоронятся в хижинах заживо.
Но мы с тобой, милая, мы не оскучены
Воды надоевшим адажио.

Мы знаем –
в finale
стоструйного ряда
В дугу – семицветье
проглянется
Шалунья-девчонка,
босая Ирида
Богов олимпийских посланница

Вернётся клочков-облачков
белизна
Голуби глубин несказанны
И – Каждый
Охотник
Желает
Знать,
Где
Сидят
Фазаны.

Без гитары

*Сохраняя традицию,
оставлю здесь несколько строчек*

Не впервой, о Муза, новосель нам
В этот дом тюки стихов волочь нам
Я увидел белый свет в Кисельном
А влюбился вот теперь в Молочном
Перепутав берега и реки
Над блокнотом свесился сутуло
Впрочем, это где-то пели греки
Или где-то это у Катулла
Всё равно: царит над нами прошлость
Схоластичны юности боренъя
В должностных дозах допустима пошлость
И необходимы повторенья
Рокотом вульгарных серенадок
Мы наполним сонные подъезды
Мир сегодня на признанья падок
Купола узоры многозвезды –
Небосвод со вкусом кем-то вышил
Вопреки простецкому покрою
О, услышишь меня! – Она услышит
О, открой мне двери! Да, открою.

20 апреля 1956

Стансы без футбола

Я вброшен в дачу из баллисты
С названьем иберийским Ар
На голом небе футболисты
Грудями бьют бордовый шар

Пёр напролом. В проломе выпер
Свист электрички стал офсайд
Капризно выросший голкипер
Свой силуэт ронял об сад

Потом помчался бойкий скаут
К сараю что не сдали в найм
Ему хотелось только аут
Но этим завершался тайм

А дух стогов влекущ и лаком
Чтоб ветер ночевал в овсе
Откланявшись гусиным клакам
И неродившейся росе

30 января 1957

Голубое озеро, красное вино
Это не из книжки и это не в кино
И губам, и глазу броско да вкусно
Голубое озеро, красное вино
... Было ли, и будет ли, и зачем оно
... И в былом, и в будущем стало всё равно
... Надолго запомнится, броско да вкусно
Голубое озеро, красное вино.

9 строчек

(на одну строчку больше, чем триолет)

Я лобзал шоколадную леди
На лиловом горячем песке
Проповедник жестокий аскет
Я –
лобзал шоколадную леди!
Постигая пленённость в победе,
Скерцерадость – в минорной тоске
Я лобзал шоколадную леди
На лиловом остывшем песке.

Проэтам

Миллионы
эпигонятся
Эпигоны
миллионятся
И ползет кручина-ноченька
Сквозь сопливые деньки:
Вместо флейты- позвоночника
Сплошь свистульки- позвонки

* * *

Я люблю бутерброды с фиалками.
Всё, что ново и хорошо!
Что ж, каприз не слишком большой
Полюбить бутерброды с фиалками
Побивайте камнями и палками,
Заключайте в тюремный мешок,
Всё равно — бутерброды с фиалками
Это ново и хорошо!

* * *

Ах, не надо вопросов / я какой-то не в форме / я сегодня в минорме
/ как чахоткий цветок:
Никому он не наден / ни на час и ни на день / грубо скомкан и бросов
/ в беспощадный поток
Я печально веснею / и в пожаре зелёном / отдалённо-влюблённым
/ всколыхну грезоём
Мне желанно другова / и желанье тангово / Ах, зачем я не с нею?
/ отчего не вдвоём?

Памятник

Вознёсся выше он главою непокорной
Официального столпа.
(Один из предшественников)

I

Меня завалят мокрой глиной
Прикроют дёрном глину ту
В моих творений список длинный
Внесут последнюю черту.
И очарованный наследник
Уже над книгою nochит;
Перед названьем каждой – следик –
Вниманья иероглиф «чит».
В них красотой почти античной
Букет сенсаций на века.
Текстолог с лупой педантичной
Осмотрит лист черновика
Он там найдёт среди каракуль
Огненно-лёгкие цветы
Их трепетно поместят в раку
Почти святыней из святынь,
Развёрстку даст деталим культа
Большой совет учёных бонз
Нью-Фидий, гениальный скульптор
Меня сольёт из лучших бронз.
Когда ж воткнут над каждым сквером
Авторитетный манекен...

II

... Тогда не вспомнится никем
Девчонка в платье светлосером.
Или отыщут Ваше фото
Где напряжён полуиспуг,
Как будто кто-то с эшафота
Улыбку выдавил в толпу
И это вклеют меж обломков
Мальчишеских зелёных вирш
(Иконография потомков
Всегда коверкает Шекспирш)

Мои неброские наброски
Вас в первом томе окружат,
Где сквозь улыбку слезки – роски
Где сердца срез к листу прижат,
Где подражание Рембо
Средь самостийных полустрофий
И над толкучкой философий
Крик ползункового бо-бо.
Остатки идеалов талых
Сумбурной юности года
Как вдохновенно я читал их
Тем вечером... Я был тогда
Без ежедневных ламентаций
И вне хронической хандры
Готов у Ваших ног осться,
Вкушая мирные дары!
Но... эфемерны наши чувства
Лишь рифма вечная – искусство
Хранит, блужданья все простиив
Страстей туманный негатив
Я тон канцон хочу оВамить
И, как поэтный василиск,
Вгипнозить в девичую память
Стихов стихийный обелиск!

Ц.в.

Рисунок толпы меццо-тintов,
В поток ароматов просись:
Голландский акцент гиацинтов,
Гортензий привычный руссизм
И эти тюльпаны – тюльпанней
Всего что я видел и знал...
О, как после книжных копаний
Значительна их желтизна!
Здесь странно-далёки, здесь дики
Блужданья людей и идей
Заменит их резкость гвоздики,
Изящный каприз орхидей

* * *

Я знаю массу строк, банальных и пустых,
Чтобы читать их вслух, нужна, пожалуй, смелость
Но стоит их пропеть – и в самый жалкий стих
Всплеснет печаль иль смех властительнейший Мелос
Коньак давно уж весь и тёпл, как чай, боржом
Бездарный куплетист с эстрады строит рожи
Но почему-то песнь на языке чужом
Всегда нам кажется возвышеннее, строже
Когда почувствую касанье смертных крыл
Я доктору скажу, глаза смежив бесстрастно
Как пошло всё, что я...

писал и говорил...

Но музыка была, не правда ли? – прекрасна

Noch einmal alles zuerst!

Опять шафранные закаты
Над безымянною горой
Опять намеренно ярка ты
И так небуднична порой
Опять звенели тен'о'клоком
Часы в гостиной голубой
Опять весь день я бредил Блоком
А после чая – вновь тобой
Опять нас в холл зовёт гобой
Опять под переплёски музык
Калейдоскопы пёстрых блузок
А близок вечно только я
Опять сумбур ночного вместе
И абрикоскость нежных щёк
(Губы в губы)... ещё...
... Не надо... вести
... Опять, как в каждое из утр
Ты молчалива и отчуждена
Перед рассветным перламутром
Украсила звезда-жемчужина
(Должна) волшебная жемчужность
(Переливаться) и сиять
В который раз сомкнув окружность
Неотклонимого Опять!

* * *

Ах, как чудно цвела криптомерия
возле моря, на улице Берия.
А теперь? А теперь криптомерия
превосходно растёт и без Берия.

* * *

Шли конвойцы вчетвером,
бравые молодчики.
А в такси мосье Харон
ставил ноль на счётчике.

* * *

Переводы из Ружевича и Сэндберга ты уже прочитала
Наливаешь мне кофе и требуешь разговоров об Антониони
Я чувствую себя как окурок не в своей пепельнице
Блеск твоих связей в министерстве культуры я одобряю

Оператор снимает дождь: ему разрешили
Дождь крупный, тугой, напоминающий круглое яйцо
Мочит людей во фраках вечерних платьях смокингах и туалетах
Оптика дождя великолепно передаётся оператором

«Тебе интересно всё это говорить?» «Нет, но я упражняюсь»
«Зачем ты грызёшь ногти?» «Дурная привычка»
«Что ты делаешь сегодня вечером?»

«Заказную статью об очерке в молодёжном журнале –
Проблема изображения казённых подвигов бетонирования и лесоповала»

Конечно я маньяк: занимаюсь искусством как любитель
Кроме того я трус: я боюсь холода, пошлости и грязи
Мы смотрели Антониони в разных просмотровых залах
И есть многое что нас разделяет или сближает

* * *

Приятеля сажают за подлог.
Но было бы неверным сожаленье:
Всему виной – страдательный залог
И сослагательное наклоненье.

Вот «Моби Дик». И смысл его глубок.
Утрата этой книжки – преступленье.
И стоит рубль – страдательный залог,
Рубль – сослагательное наклоненье.

Нельзя сказать, что наш премьер жесток.
Он кроток, но свирепо исполненье.
Стал моден стиль – страдательный залог
И сослагательное наклоненье.

Но водородной схватки близок срок.
И в час всеобщего испепеленья
Нам предстоит страдательный залог
Без сослагательного наклоненья.

* * *

Когда я заперт в нервной клинике
когда я связан и избит
меня какой-то мастер в критике
то восхваляет то язвит.

Направо стиль налево образы
сюда сравненье там контраст
о Боже как мы все обобраны
никто сегодня не подаст.

* * *

Женщины, которых я изнасиловал,
которым помогал блевать
в шатающийся унитаз
куда они уходят
зачем

зато представители полиции
с переговорными устройствами
с форсированными автомашинами
с прожектором на радиаторе
возникают слишком часто
почему они так назойливы
зачем

разумеется я виновен
незаконно обмениваю слова
арестуйте не дам показаний
зачем

любимая единственная лучшая
ты сохранилась
не спилась не вышла замуж
не участвуешь в демографическом взрыве
нет адреса нет телефона.
на мокрый тротуар упадают снежинки
зачем

Вниз по матушке
(*по Волге*)

Ильич отсель, наш агнец лысоватый.
Был вундеркинд, а ныне – экспонат;
Висел в петле его мятеожный брат,
Играла мать кучкистские сонаты.

Тела коммунистических наяд
На пляже, как частушечный Саратов;
Купальник жёлт, синь, красн, телесен и салатов;
Брег оседлав другой, в экстазе азиат.

Но ты, волшебных дикториш соблазнитель!
(их благовония не знает телезритель
и шёлковых колен свербящую игру),

Европы сын среди туриц провинциальных,
Ты алчешь приобрести в сосудах специальных
На чёрном рынке чёрную икру.

* * *

Жизнь щекочущая скуча.
В Камасутре я прочёл
расщепление бамбука
насаждение на кол

и других событий гамму
я припомнил как умел
поклонение лингаму
море страсти кучи тел.

Но для нас такой излишек
чересчур наверняка
двух стареющих мартышек
в клетке для молодняка.

Вот зачем в часы заката
уходя в ночную тьму
слово аупаришата
не скажу я никому.

* * *

Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки
фатально крошатся сквозь непрозрачный мозг
аквариум дерма и госпиталь починки
Дали и Бахчанян под псевдонимом Босх

Труба метро как человекопровод
бесплодный элеватор городской
учебный взрыв больших шампанских пробок
коньячных звёзд падучий гороскоп

Замедленная съёмка в телевизор
на порох падает ленивая искра
невзрачная возможность катаклизма
бесшумный войлок нотного листа

Не подчинюсь не примем во внимание
дрожанье глаз дыханье и касанье
переверните мир одной ресницей
друг сумасшедший брат мой бледнолицый

* * *

Шаг вправо шаг влево считаю побег
плюёшься кровавой слюною на снег
курортное море бардак-ресторан
простите, я умер я вовсе не пьян

Россия ракет и Россия телег
сегодня китаец вчера печенег
считайте партийным иду на таран
в курортное море в бардак-ресторан.

Написано берег читается брег
восторги невежд и ухмылки коллег
а фильм чёрно-белый обычный экран
он снят чтобы сделать финансовый план.

Я знаю могила коиечный ночлег
похитил девчонку Михайлов Олег
поднимем за это последний стакан
с последней бутылкой пойдём на таран.

* * *

Заключив с тобой позорный мир
я продал тебя почти что даром
И за мной приедет конвойр
пополам с безумным санитаром.

* * *

Но я ещё найду единственный размер
прямой как шпага и такой счастливый
что почернеет мраморный Гомер
от зависти простой и справедливой.

У мальчика в глазах зажгут пучки огня
поэтам всем с вином устрою ужин
и даже женщина что бросила меня
на время прекратит сношенья с мужем.

* * *

оглушены трудом и водкой
в коммунистической стране
мы остаёмся за решёткой
на той и этой стороне

* * *

я живу на доходы от школьницы
на костре меня мало спалить
разреши самогонки-свекольницы
из резиновой грелки налить

Стихи о героях

Мой Дон-Жуан, к тебе подкрался люэс
и в Дон Кихота влезит мещанин
а человек по-прежнему танцует спит и любит
красив и пьян загадочно один

Допустим смерть она могла случиться
от этой стервы можно ждать всего
я слышу Пущин в дверь мою стучится
мужайтесь Кюхельбекер

* * *

Ты в первой строчке дальше от терцин
но во второй она конечно ближе
сонет писал Рембо как сукин сын
и Дюбелле какой-нибудь в Париже
строку давайте слог ещё один
не думая о форме и престиже

* * *

Уже доказано и больше нет сомнений
Гербы и родина средь родов и гробов
Маркиз в своём поместье охотясь на оленей
Бедняк в своей каморке охотясь на клопов

* * *

Проживая на Куусинена
Лошади едят овёс и сено
Люди у метро Охотный Ряд
Не по русски вроде говорят

* * *

Два зеркала: одно полуразбитое
дивелопмент рисёрч отдел развития
три зеркала три сволочи трюмо
очнись: кругом <.....> дермо

* * *

В перехлесте случайных связей
разбегающейся вселенной
избегайте случайных связей
с точки зрения гигиены!

* * *

Уголовник флиртующий с глухонемой
Полон внутренней тьмой перед новой тюрьмой
[?] в углу делинквент
И глотает коньяк импотент

* * *

... Медсестра сумасшедшего дома
Спит со мной после трудных дежурств
В этом доме особое снится
[?] ведь такая больница ...

.....

Если б стать невзначай предложили
консультантом-профессором мне
я бы ставил лишь два: страх России
и любовь к этой скучной стране

* * *

.....

А в сером огне TV загробные тени кривил
Ударник вставные огни как слёзы ронял в медь
И вновь сумасшедшие свисты святою водою кропил
Но шабаш опять отменён по причине фригидности ведьм

Оркестр слепых калек музицирует в крематории
Советский TV ведёт свои передачи
О как мы скверно горим торфяные брикеты истории
Чем дешевле эпоха тем дороже всегда переплатишь

* * *

.....

Я иду и птицы поют
И молчат деревьев поэмы
Никакой не нужен поэт
Совершенно иные проблемы

В сложном щебете мартовских птах
Бродит смерть как последняя ложа
Будет съёмка обратная прах
Антиснег крематорская сажа

* * *

Предъявили мне бумажку
Разрешили мне сказать
Дайте чистую рубашку
Перед тем как расстрелять
И почти убитый даже
Я сквозь холод ледяной
Вспомню как лежал на пляже¹⁾
Рядом с девушкой одной
Ранним утром просыпаюсь
В розовеющем саду
Пахнет порох, накаляясь
Залп. Сейчас я упаду

* * *

кристалл замёрзшего вина
с густым сиянием лиловым
Россия в нём отражена
чудовищем миллионголовым

не нахожу что образ свеж
как в отделении смирительном
один творительный падеж
с другим увязанный творительным

по логике см. и цит.
есть колонцифер и апостроф
вмерзает в озеро Коцит
бутылок нераспityтый остров

и там где белой выюги тьма
едва ли смогут иностранцы
заледенеть в последнем трансе
застыть в сошествии с ума

вино застывшее горит
в нём славно грешникам вариться
всё это местный колорит
колёр локаль как говорится

¹⁾ Сухум, 1971

* * *

как центробежны эти пары
на конькобежном этом парке
со знаньем дела антиквары
приобретают антикварки

когда над конькобежным бегом
тела скульптур вознесены
почти гиперборейским снегом
глаза их полусожжены

среди ристаний и растлений
в необходимом колесе
для новых душ переселений
в железной узкой полосе

о композиции о масти
банальности и эпатаже
ленился даже думать мастер
пейзажей зимних в Эрмитаже

<.....>

* * *

Лёгкой походкой послетюремной
по белокаменной первопрестольной
о как мне сладок твой воздух гаремный
лепет пасхальный и звон колокольный

* * *

Кинозвезда, приятельница, киска,
Подставь губам холодное плечо.
Учись сиять не далеко, не близко,
Ни холодно, ни горячо...

* * *

Хочу любить тебя я, Нонна –
Пришла пора, и сердце тает!
Хочу звонить тебе я, но на
Звонок мне денег не хватает.

* * *

Обожая Нонну,
Я её не трону.

* * *

Зажали кондуктора под потолок
Троллейбус везёт к стадиону
Семь тонн мяса
Ужасное чувство локтя
В каждом боку по локтю
Я уважаю общество, но
Не массу

* * *

Это всё не чужие картинки
это собственной жизни круги
нужно денег достать на ботинки
починить на ремпункте с ноги

1

* * *

Приложения

Ботинки истлевают на ногах
ног хватит в целом лет ещё на сорок
доказано что вещи это морок
а человек — живой упругий прах

Смотри тускнеет сморщилась жена
и школьницы свежее с каждым годом
ну чем теперь поможет Бог — разводом
дежурной смесью водки и вина?

Пять или шесть всего лишь тысяч книг
пять или шесть всего лишь тысяч мнений
запутанный и озарённый мир
полусмертей полузыдоровлений

Вот жизнь. Здесь междометье «так сказать»
уместно, жест бездарный, выкрик птичий
спасенье в том что отменён обычай
свирепый, негуманный — воскресать

**Репортаж о деревьях,
крик о деревьях,
молчание о деревьях**

Ещё несколько дней назад мы вообще не знали, что будем праздновать: то ли Новый год, то ли первое апреля — настолько странной была погода. И уже казалось, что для натуральности следует не ватой обкладывать крестовины и зелёные лапы украшаемых ёлок (имитируя якобы снег) а, подчиняясь погоде, нужно ставить вёдра с водой или выпускать фонтаны. Царила снежная слякоть, какая-то несусветная хлюпающая плазма. Потом зима вроде бы укрепилась, и повалил нетающий снег. Он шёл и шёл, как будто мстя за то, что журнал «Молодая гвардия» в № 12 перепечатал уже не раз публиковавшиеся ранее прекрасные стихи Александра Межирова:

Вот и покончено со снегом,
С московским снегом голубым
Колёс бессмысленным набегом
Он превращён в промозглый дым.
Москва от края и до края
Голым-гола, голым-гола,
Под шинами перегорая
Снег истребляется дотла.
И сколько б не валила с неба
На землю зимняя страда,
В Москве не будет больше снега,
Не будет снега никогда.

«Ну нет, уважаемый, не знаю, как вы, а я-то буду» — сказал снег и засыпал всё на свете. Его выдворяли с улиц любыми возможными транспортными средствами и даже грузили в машины городской мусороочистки. Было странно наблюдать, как в их помойных утробах исчезала эта чистейшая свежевыпавшая субстанция.

Снег вывозили, а ёлки привозили. Здесь, в Москве везли на грузовиках, как пленников. И как десантников — по сообщениям газет, их сбрасывали на парашютах арктическим станциям. А на Кутузовском проспекте перед «Домом игрушки» долго валялся метра в три длиной нижний кусок огромной ели: велика оказалась, не вмещалась, вот низ

и отпилили. Мимо этого обрубка в двери тянулась очередь за ёлочными украшениями.

Чтобы понять проблему ёлки, я заглянула в философский словарь на слово «Архетип». «Архетип (от греч. ἀρχεῖος — первый отиск) — праобраз, первичная форма, образец; ... структурные элементы коллективной неосознанности...» Эта научная теория — если перевести её на понятный язык — утверждает, что очень часто в современном человеке незаметно для него срабатывают привычки многотысячелетней давности. Некоторые из этих привычек когда-то имели центральное психологическое и общественное значение, а теперь отошли на периферию. Например, поклонение священным деревьям в жизни первобытных племен играло важнейшую роль, при этом даже приносились человеческие жертвы. В наши дни «поклонение» новогодней ёлке справляется как весёлая старинная традиция. Человеческих «жертв» обычно не бывает... разве только из гостей кто чрезмерно переберёт.

Но почему поклонялись деревьям? Неужели только из утилитарных соображений — потому, что они приносили пользу... давали, так сказать, ценные продукты? Ну, вот хотя бы по образцу такой загадки: «Есть дерево об четыре дела: (1) мир освещает; (2) крик утишаёт; (3) дряхлых, хилых пеленаёт; (4) чистоту соблюдает. Отгадка — берёза: 1. свет лучины; 2. дёготь не даёт скрипеть колёсам, розга воспитывает ребёнка и смиряет его крик; 3. непрочные глиняные горшки оплетают берестой; 4. веник банный. Отгадка, как видим, сама разветвляется наподобие маленького деревца. Но разве всей этой пользой объяснишь очарование есенинской берёзки? Берёзка на Троицын день, как и ёлка сегодня — остатки давних языческих верований.

Мне кажется, что истоки первобытного поклонения деревьям надо видеть в том самом моменте, когда будущие полулюди, вчерашние обезьяны только что спустились с деревьев и очень неуверенно чувствовали себя на земле. Чуть тревога или опасность — раз на дерево и порядок. Не успел — принимай бой в невыгодных условиях, гибни. Так что, добравшись до спасительной ветки, тогдашний деятель испытывал зачатки священного облегчения и благодарности. Посёлок таких полулюдей мог располагаться на ветвях огромного дерева, хижины висели как гнёзда. Потом через много поколений люди спустились, стали жить на земле. Но они вспоминали жизнь своих пращуров на ветвях, как переехавший из деревни городской житель помнит сельшину. Некоторые первобытные племена хоронили своих покойников на деревьях — так сказать, отправляли их в селения предков. У других племён был обычай подвешивать рожениц к низким ветвям дерева, и они рожали, вися в привязанном виде; дескать, все мы пришли с ветвей и дети наши рождаются, как плоды оттуда же. Поэтому,

когда первобытный человек смотрел на священное дерево, он слышал первые крики новорожденных и вечное молчание смерти.

У меня есть свой способ поклоняться деревьям. Я коллекционирую некоторые из них, наиболее странные, выражающие — как мне представляется в каждом из случаев — некий образ. Коллекционирую не в том смысле, что тащу их к себе, нет. Моя коллекция разбросана по всему городу и юридически мне не принадлежит. Более того, одно из моих деревьев пользуется правом экстерриториальности — оно находится на территории иностранного посольства. Сейчас я попробую познакомить вас с некоторыми раритетами из моей коллекции.

Дерево № 1, мое любимое, растёт в районе Белорусского вокзала, в нескольких шагах от угла Большой Грузинской и Второй Брестской улиц. Представьте себе такую историю. Когда-то до войны его здесь посадили, тоненький стволик, и для сбережения от тротуарной толпы оградили круглой железной решёткой (рис.1). Потом ввиду разных событий о нём забыли и вообще было не до него. А деревце росло, набирало толщины внутри решётки, и вот уже целиком заполнило её. Рост природного древесного ствола столкнулся с человеческим железом. Дерево как бы пыталось разорвать свою клетку, вырвать её из земли и действительно разорвало, но в нескольких местах решётка вцепилась в дерево и стала врастать в него. Корявой гневной древесиной зазил ствол вросшие глубже коры верхние зубцы решётки. Мы видим борьбу узника со своей тюрьмой, живого дерева с ржавым железом. И дерево как бы пробивается к небу, разбрасывает свободный узор ветвей. Поразителен этот вырвавшийся, ставший вверху вольным ствол. Нет, это не кротость знаменитого четверостишия Ахматовой:

Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, да крик паровоза,
И как будто отбывшая срок
Пробирается в поле берёза.

Берёзу, разумеется, жалко. Какая-то она невинно пострадавшая и под сурдинку реабилитированная. Но мощь в этом отсутствует. А мое дерево имеет привкус чего-то мощного, привкус борьбы библейского героя с богом. Тут не частная проблема. Тут дуализм такой же, как борьба света и тьмы, духа и материи. Только это можно ощупать и представить независимо от света и тьмы, и дух здесь представлен тоже осязаемо, материализовано. Можно было бы подчеркнуть здесь и конфликт между природным и индустриальным, но он и так бросается в глаза, да и смотрю я с более общей точки. В поэтической мировоззренческой системе Кумадзавы Бандзана, японского философа XVII века, импульсу в жизни духа соответствует во внешнем мире

дерево, связанное с весной и рождением, а оформлению духа соответствует во внешнем мире железо, связанное с осенью и урожаем. В нашем случае импульс дерева разрывает форму железной решётки. Как будто обезумевшее деревянное вино убежало из решётчатого железного бокала. Дерево № 1 в моей коллекции напоминает мне работы скульптора Эрнста Неизвестного – его кентавров, полулюдей-полумашин, в едином теле каждого из которых идёт схватка между начальными машинным и человеческим. Поэтому я попросила Эрнста сделать рисунок.

Дерево № 2 растёт недалеко от первого, на улице Красина (бывшая Живодёрга), напротив бензоколонки. Это липа, средних лет, довольно высокая, с почти прямым стволом. Образ, связанный с этим деревом, никому нельзя предъявить, он сохранился только в моей памяти. Тут до прошлого года стоял двухэтажный барак, покосившийся, почти падающий. Удержать его поставили подпорки, наклонную систему брёвен. Опираясь на эти костили, барак стоял как бедный инвалид, собирающий подаяние у Тишинского рынка. И тогда ствол выросшего среди подпорок деревца стал делать как раз на уровне их упора в стену странный сочувственный изгиб, такое болезненное коленце (рис. 3). Что-то было в этом изгибе человечески-телесное, а отсюда и душевное: сострадание какое-то, усилие и бессилие помочь, стыд за это. Но подпорки были благодарны дереву даже за попытку; у них с ним возникла как бы общая забота, объединившая их в некоторое сообщество. Подпоркам стало легче держать грязный барак, они говорили друг другу: «Вот видите, нам, брёвнам, сочувствует это сравнительно независимое дерево, обеспеченное корнями и каждой осень расходующее массу листьев». И дерево, слушая это, казалось себе менее одиноким и несчастным. Оно взяло себя в руки и выросло большим и стройным, если не считать изгиба. На этом участке улицы построили восьмиэтажный новый дом, а бараки стали сносить. Всеми покинутый барак с подпорками в своей предсмертной обшарпанности вызывал такую ненависть, что группа окрестных мальчишек его подожгла. Барак сгорел. Не желая пережить его, бросились в огонь и сгорели брёвна-подпорки. Дерево стояло слишком близко к огню, и я думала, что оно уже не расцветёт весной. Но всё обошлось, дерево осталось жить. Теперь только изгиб на стволе сохраняет память о том, что дриада, связанная с этим деревом, была когда-то по совместительству почти карнатидой. Мне кажется, что такое одеревяневшее, почти переставшее быть болезненным коленце можно найти в душе многих людей, переживших подобные трудности. Так что экспонат № 2 моей коллекции имеет воспитательное значение. Он учит терпимости и сочувствию. Он учит младших, чья сознательная жизнь началась гораздо позже отмены карточной системы, понимать характер стар-

ших, вытекающий из прошлого. Помните, что у старших «древесные кольца души» откладывались в тяжёлые годы. (На этой же улице недалёко живёт замечательный художник Юло Юханович Соостер. На своих картинах он изображает деревья марсианского типа и кусты можжевельника. Я попросила его сделать рисунок к моему сюжету.)

С деревом № 3, растущем во дворе дома № 11 по улице Воровского, всё ясно по фотографии (рис. 4). Видимо, дерево захворало, наклонилось, даже чуть подломилось у корня, и его облокотили на такие вот причудливые козлы. Тогда оно окрепло, стало расти в таком положении. И вот произошло лёгкое чудо: во всём этом вдруг стал угадываться силуэт какого-то животного, как будто оленя. Да, оленя, и в ходе ствола есть нечто, напоминающее его грациозные лесные движения. Когда я «приучила» себя отчетливо видеть этот образ, то его красота напомнила мне случай с Вилмой Рудольф. Американка пришла на стадион разминать болезнь неподвижности, а стала «чёрной молнией», чемпионкой бега. – Так и здесь гадкий утёнок превратился в лебедя, хворое растение стало красивым деревом. Образ, казалось бы, чуть намечен. Различимы материалы, из которых он состоит, но это не черновик, не эскиз. «Олень» возникает перед нами отнюдь не по принципу «демонстрации процесса творчества» (этот принцип В. Турбин пояснял ссылкой на наглядность изготовления табуретки). Нет, табуреткой здесь не пахнет. Мы «застигаем» момент рождения образа, как охотник Актеон застиг в ручье обнажённую Диану... вернее, как собаки застигли превращение Актеона в оленя. Переход дерева на козлах в тонкий сквозящий образ рождается в нас, мы как бы сами превращаемся в это. Мы переживаем момент неповторимого индивидуального опыта, некое однократное доверительное событие. В ритуальном «танце оленя» – такой танец был включён в программу мексиканского балета – человек надевает рога и шкуру, чтобы сделать несколько шагов по направлению к природе... в давние времена эти «несколько шагов» делались буквально: дикарь в рогах и шкуре подкрадывался к оленюму стаду на удар копья или полёт стрелы. Здесь, в московском дворике, природа по воле художника Случая делает полшага навстречу нам с целью поохотиться за нашей художественной впечатительностью. Такая охота ей удаётся, потому что мы в глубине души сохранили память о древней вере в превращения – растения в животных, животных в людей и обратно. Так, по древнепермскому поверью, олени рождались на севере из морских волн. Примеры из «Метаморфоз» Овидия общеизвестны. Отголосок этой веры чувствуется даже в очень рациональной, дидактической эпиграмме Маршака:

Человек – хоть будь он трижды гением –
Остается мыслящим растением

С ним в родстве деревья и трава,
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рожденья
Сила, стойкость, жизненность растенья.

Описанной мною «олень» не нуждается в заповедной охране, ибо его замечают только люди с воображением.

То, что я вижу в дереве № 4, невозможно ни сфотографировать, ни нарисовать. Далеко не всё в нём можно выразить и словами. Кроме того, это то самое дерево, про которое я говорил, что оно «пользуется правом экстерриториальности» – ибо растет во дворике бирманского посольства по улице Герцена, 41. Это дерево нельзя назвать огромным, но оно производит грандиозное впечатление. Этому помогают небольшие пропорции особняка и домов рядом. А дерево как бы составное: толстый огромный ствол, в котором греки периода архаики увидели бы изображение Зевса; из ствола вырастают четыре гигантских сука, вполне могущие считаться самостоятельными деревьями.

Ветви на громадине двух сортов: те, на которые постепенно разветвляются суки, и те, которые в растительной безудержи густой щетиной пробиваются сквозь кору главного и четырёх «сыновничь» стволов («безудержи» – написала я, потому что давно про себя прозвала это дерево «Братья Карамазовы»). Эти выстреливающие из грубой коры побеги, как бы импульс в импульсе, напоминают мне прекрасное любовное четверостишие позднеримского поэта Флора:

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре пометил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры от страстных мук:
Сад всё гуще, страсть всё жгучей, ветви тянутся из букв.

«Ветви тянутся из букв...» То есть эти буквы, символы любви, как будто вытягивают своим начертанием и смыслом усиленный рост побегов. Сад оплодотворён любовью – это один из древнейших мифов. Обычай воздействовать таким образом на сады сохранился почти до нового времени.

Кроме того, такие большие разветвленные деревья были символами власти или благородства рода (генеалогические деревья). Современная индустриальная идеология как бы подражает этому обыкновению, когда рисуются схемы: «Что можно получить из ацетилена» или «из бензола» (автомобильные шины, чулки, взрывчатые вещества, лекарства висят на веточках такой схемы).

Ветви дерева № 4 как бы по почам уходят к звёздному небу и дотрагиваются до него. У индейцев существовала легенда, что было ког-

да-то дерево, действительно достающее до неба, и по нему души умерших взирались к предкам. Но злая однозубая колдуны, рассердившись на плохое угощение, подгрызла и обрушила это великое дерево. С тех пор далеко не все души могут попасть на небо.

Может быть, наш гигант на улице Герцена и не является священным, но один раз я наблюдала его благотворное воздействие. – На мостовой около него «стукнулись» таксист и частник. Подбежал орудовец. Началась перебранка, спор. Накал сперва возрастал, но, обследуя место происшествия, люди нет-нет да и взглядывали на дерево. Потом чаще. Разговор стал спокойнее. Потом заговорили о дереве. Стороны примирились. Орудовец сказал: «И кто его знает, какой он породы». Я думаю, что дерево проявило здесь своё смягчающее величие. Вспомним первобытные висячие посёлки на таких вот деревьях. Казалось бы, подобная архитектура отошла в доисторическое прошлое. Но вот знаменитый архитектор Райт утверждает, что один из лучших типов домов – небоскрёб, построенный по принципу дерева. Предполагается, что в будущем отдельные части здания будут подвешивать на высоких, порядка километра, каркасах или лифтовых стволах, добавляя по мере надобности те или другие объёмные элементы. В ближайший космический век такое дерево-город будет на свой лад касаться если не звёзд, то по крайней мере планет.

Обобщённый образ «Дерева-Сфера» с космической ориентацией вывел из его растительных прототипов поэт Николай Заболоцкий в поэме «Деревья». (Поэма впервые опубликована в журнале «Литературная Грузия» № 11, 1965. Она включена также в том произведений Заболоцкого, только что вышедший в Большой серии «Библиотеки поэта». Том поступит в продажу в январе.) Разумеется, коллекция деревьев у Заболоцкого гораздо блестательнее моей. В доказательство этого приведу отрывок из монолога героя, интеллигента Бомбесева. Он обращается к деревьям, приглашая их на пир:

– Вы, деревья, императоры воздуха,
Одетые в тяжёлые зелёные мантии,
Расположенные по всей длине тела
В виде кружочков и звёзд и коронок!

.....

Вы, деревья, солдаты времени,
Утыканые крепкими иголками могущества,
Укреплённые на трёхэтажных корнях
И других неподвижных фундаментах!
Одни из вас, достигшие предельного возраста,
Чёрными лицами упираются в края атмосферы
И напоминают мне крепостные сооружения,

Построенные природой для изображения силы.
Другие, менее высокие, но зато более стройные,
Справляют по ночам деревянные свадьбы,
Чтобы вечно и вечно цвела природа
И всюду гремела слава её.
Наконец, вы, деревья-самовары,
Наполняющие свои деревянные внутренности
Водой из подземных колодцев!
Вы, деревья-пароходы,
Секущие пространство и плывущие в нём
По законам древесного компаса!
Вы, деревья-виолончели и деревья-дудки,
Сотрясающие воздух ударами звуков,
Составляющие мелодии лесов и рощ
И одиноко стоящих растений!
Вы, деревья-топоры,
Рассекающие воздух на его составные
И снова составляющие его для постоянного равновесия!
Вы, деревья-лестницы
Для восхождения животных на высшие пределы воздуха!
Вы, деревья-фонтаны и деревья-взрывы,
Деревья-битвы и деревья-гробницы,
Деревья – равнобедренные треугольники и деревья-сфера,
И все другие деревья, названья которых
Не поддаются законам человеческого языка...

Я считаю, что смогу практически соревноваться с этой коллекцией (как людоедка Эллочка соревновалась с Вандербильдхой) только с помощью читателей «Московского комсомольца». Я хотела бы обратиться к читателям с просьбой: давайте проведём «Конкурс интересных и образных деревьев». Напишите нам, если вы знаете такие. Весь гонорар за эту статью – примерно 50 рублей – я объявляю премией за самое интересное дерево и самый интересный комментарий – художественный, философский, исторический или житейский – к нему. Итак, пишите, шансы есть. Наш адрес: Москва, Чистые пруды, газета «Московский комсомолец», конкурс деревьев.

«Артистичка»

К шестидесятому году скромное общепитовское кафе «Артистическое» на проезде Художественного театра, что прямо напротив лепной, сильно потраченной временем «Чайки», стало признанным центром московской богемы. Художники-абстракционисты, артисты славного «Современника», поэты и фантазёры, недавние выходцы из сталинских лагерей.

Одним из таких посетителей «Артистички» был Сергей Чудаков — легендарная личность «60-х». Знающий всю Москву, улыбчивый, фантастически эрудированный и необычайно словоохотливый, он успевал посещать все студии художников, редакции журналов, просмотры и премьеры, Дом кино и Дом литераторов, писать статьи — и «克莱ить» девушки из числа абитуриенток театральных и киновузов и, конечно, всегда быть в кафе, где бурно, взахлёб, но очень артистично поведывал обо всём. Это был тот самый «поток сознания», обильно перевитый метафорами и цитатами, — одновременно информация, сплетня, рецензия, художественная критика и поэтический комментарий.

Чудаков был человек без тормозов — крал книги в библиотеках, особенно самые заумные и глубокие, — «всё равно никто не читает!» — и тут же об этом лихо всем рассказывал, пролезал всюду без билетов и пропусков, используя пожарные лестницы, люки и крыши, знакомился с девушками, суля им роли в кино или знакомство с «великими»... И, действительно, тут же тащил их к Евтушенко или Неизвестному, с которыми был на дружеской ноге... Узнав, что я уезжаю на месяц на юг, он подобрал ключи к моей мастерской и водил туда девиц. По приезде я обнаружил гирлянды «трофейных» трусиков и лифчиков, развешанных под потолком — вне досягаемости для жертв его обаяния. Он ещё и стишок оставил: «...Подними Казарменный шлагбаум, чтоб создать фюр либe айне раум!..» Тогда моя мастерская находилась в Казарменном, славном переулке!

Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
Слово АУПАРИШАТА
Не шепчу я никому.

(С. Чудаков, сент. 1968)

Красноречие его и изобретательность были неописуемы. Часто он писал театральные рецензии для других как литературный «негр». Писал ярко, афористично, находил неожиданные ходы. Две критикессы вовсю использовали талант и знания молодого Чудакова. Он писал за них и это, пожалуй, были его единственные профессиональные заработки. Знания его были необъятны. Он раскапывал удивительные книги, память его была безошибочной. Часто, читая на зависть яркую статью, подписанную вполне советским сереньким ортодоксом, можно было воскликнуть: «Да это Чудаков!» Почти ежедневно обходя студии Володи Вейсберга, Эриста Неизвестного, мою и других художников, он был пчёлкой, переносившей пыльцу идей и событий.

Такое перекрёстное опыление было незаменимо. Здесь он повествовал о Ж.-П. Сартре и экзистенциализме, там — о Ницше и Шопенгауэре, в другом месте — о Зигмунде Фрейде и психоанализе, о кибернетике Винере, поэзии Рэмбо, живописи Магритта и Дельво, о социопсихологии Маршалла Мак-Люэна — все эти имена были «табу», под запретом, далеко за железным занавесом! Его любопытству не было пределов, он разглядывал мои новые работы как человек, дорвавшийся до воды в пустыне, расспрашивал, как опытный интервьюер, давал веер аналогий, теоретическое обоснование и метафизическое определение...

Кстати, о Рэмбо, Артуре Рэмбо... Вот на него-то он и был удивительно похож: скучающее, притягательное лицо и шапка светлых волос. Но, пожалуй, главным в его лице была постоянная широкая улыбка крепких белых зубов. И авантюризм без края. И стихи он писал весьма недурные. Был его портрет тех лет работы Володи Вейсберга. Очень похожий. Куда он девался — не знаю...

Чудаков не ставил себе никаких целей. Его совсем не смущало, что статьи его идут под чужими именами, стихи он и не пытался печатать, жизнь его была очень неустроенной — и пусть! Конечно же, в глазах властей он был смузьян. Иногда, после каких-либо эскапад, его забирали в клинику — и он сбегал оттуда, ловко задурив голову невежественным стражам. Бегал он и от милиции, и от более серьёзной организации.

Впоследствии, уже в Америке, Иосиф Бродский узнав от кого-то, что Чудаков якобы умер, написал стихи на его память:

...Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
вниз по тёмной реке уплывая в бесцветном пальто,
чьи застёжки одни и спасали тебя от распада...

Узнав об этом, Чудаков был в восторге! Он и мистификации любил!

(...Кстати, это пальто — венгерское, с большими клапанами-застёжками, — подарил Чудакову я: он трясясь от холода. Вообще, тема холода, замерзания тогда была очень актуальна.)

До чего же нестандартные идеи роились в его, в общем, не очень здоровой голове! Как-то он принёс рукопись «История знаменитых деревьев в Москве». Он обнаружил и описал, нашёл историю и сам создал легенды... о деревьях Москвы. Никто до него и не замечал их! На каких-то десяти страничках, испещрённых пометами, добавлениями и вклейками, он разворачивает феерическое повествование — то ли эссе, то ли оду — и умудряется очень по делу упомянуть и процитировать: поэта Межирова, философский словарь — статью «Архетип» (Юнга, наверно), редчайшие народные загадки на тему деревьев, историю древних предков людей, их обычай, связанные с деревьями, стихи Ахматовой, японского философа XVII века Кумадзаву Бандзана, того же Эриста Неизвестного, а также Юло Юханновича Соостера (так в тексте!), В. Турбина, миф о Диане и Актеоне, мексиканский балет, стихи Маршака, братьев Карамазовых, позднеримского поэта Флора, генеалогию, химию, легенду индейцев, случай с милиционером, архитектора Райта и поэму Заболоцкого «Деревья» — уф!

И весь этот пёстрый материал, этот цветник эрудиции и остроумия был предельно логично «склёпан»! Надо добавить, что рассказ ведётся от первого лица — и это лицо женского рода! Очевидно, что Чудаков заранее намечал продать рукопись какой-нибудь литературной dame, которая без зазрения совести тиснула бы её в журнале под своей фамилией. Были такие две официальные литературные дамы-критикессы — Вера Шитова и Инна Соловьёва, сделавшие литературные имена на бедном Серёже. Рукопись эту он тут же забыл у меня и никогда о ней не вспоминал. Я с удовольствием присовокупил её к обширной своей коллекции раритетов, рукописей и автографов.

С книгами он обращался варварски. Вечно таскал он под мышкой книгу растрёпанных книг, справочников, толстых и тонких журналов. На каждой странице было что-то отчёркнуто, на полях замечания, споры, аналогии и просто неожиданные мысли мешались с текстом, и уж было неясно — книга ли это, отвечающая своему названию, или развернутая записная книжка, где текст представлял лишь отправную точку для битвы мысли.

До самого последнего времени Чудаков был жив и жил в Москве и даже как-то звонил по ночам, как призрак, напоминая о себе. Однажды, после нескольких лет жизни в Германии, ещё не перестроившись, не привыкнув к ней окончательно — но уже немножко отвыкнув от Москвы, от её огнедышащего темпа жизни, я, прилетев к ночи, лежал и предавался воспоминаниям. Вдруг резко, по-ночному зазвонил телефон — Чудаков! Я ещё не успел ахнуть от удивления, как он своим

быстрым, хрипловатым говорком уже сообщал массу новостей богемной субкультуры, кто, где и что.

— Погоди, Серж, а как ты узнал что я в Москве? Как ты догадался позвонить?

Но его уже невозможно было остановить, он нёсся, перескакивая с темы на тему, и я понял, что он обзванивает своих призраков, своих былых друзей и покровителей систематически, годами — авось погореет! Ему необходима была аудитория, люди, умевшие слушать и понимать его.

Но он уже совсем не был здоров... Жизнь на грани, судорожная и беспокойная, психушки и побеги сделали своё. И вот стало известно, что смерть всё же настигла Чудакова, шутившего с ней столько лет! Однако Иосифа (Бродского) он пережил!

Анатолий Брусиловский

Комментарии

Стихотворения из первого раздела печатаются, в основном, по машинописному сборнику (МС), принадлежавшему Д.Н. Ляликову (1928–1988). Оттуда же взята фотография Чудакова. На некоторых листах имеются приписки, которые мы воспроизводим здесь *курсивом*. Есть также исправления, которые мы также частично воспроизводим здесь. Порядок стихов сохранён. Некоторые фрагментарные и не полностью воспроизведённые стихотворения перенесены во второй раздел.

Эти стихи были опубликованы в живом журнале
<http://galchi.livejournal.com/> в июне–ноябре 2006 г.

Благодарим за содействие А.В. Белашкина, В.В. Лобанова, А.А. Медведева, О.Н. Михайлова, Г.Г. Суперфина, Т.М. Хромову и В.В. Черняк.

с. 12 Отцвели георгины...

Приписка под датой: (*дата авторизована*).

с. 13 В министерстве осенних финансов...

В МС в стр. 8 «Продаётся»; в стр. 22 «танцовщицы». Здесь мы приводим эти строки по публикациям О.Н. Михайлова в «Нашем современнике» и «Родной Кубани».

с. 14 Ипполит, в твоем имсни камснь и конь...

Сноска к строке «И разబился как пьяный свалившийся в лифт»:
 * случай был <.> Д <.> Л <аликов>.

с. 16 Пушкина играли на рояле...

В МС стр. 4: «Умер Пушкин возле книжной полки»; в стр. 11 «тоской своей мышиной»; в стр. 12 «обидев»; в стр. 14 «опустевшем»; в стр. 15 «герой и заменитель»; в стр. 18 «песен». Здесь мы приводим текст публикации в самиздатском журнале «Синтаксис» № 1 (1959); републикация: «Границ» (Мюнхен) № 58 (1965).

с. 17 Памяти Луи Вашканского

Стихотворение навеяно первой пересадкой сердца, осуществленной К.Барнардом 3 декабря 1967 года. Его пациент Луи Вашкански прожил с донорским сердцем 18 дней.

с. 18 Дело оперы и балета...

Эпиграф – неточная цитата из стихотворения Н.А.Некрасова «Балет» (1865 – начало 1866).

с. 25 Во всю прохожим льёт за шею...

Посвящение Л.Е.Ф. может быть имеет смысл сравнить со стихотворением на с. 83.

с. 26 Вот студентка о чём-то мечтает...

Роман С.П.Бабаевского (1909–2000) «Свет над землёй» (1949–1950; Сталинская премия).

с. 31 Произведён машинный поиск...

Вариант стр. 14: всё изучил смог исказиться.

с. 32 С полдвиженья Магдалина...

Два рукописных примечания: 1) *поц* – задница (цыганск.) 2) *иссон* – палка (прим. авт.) [Ср. Евангелие от Иоаннна 19, 29: «Воины, напоив уксусом губку и положив на иссон, поднесли к устам Его». Но иссон – не палка, а кустарник, употреблявшийся у евреев для окроплений и очищений (пучки из иссопа). *у* – строчная «ижица», вписана автором от руки.]

ЖЖ-юзер Madsim приводит варианты первой и последней строф: «Магдалина, Магдалина! / Тело замерло в посте / Дурно пахнущий мужчина / Умирает на кресте» и «Руки вздёрнуты далёко / Губы шепчут: Магдали... / Море мёртвое широко / Простирается вдали»

(см. <http://alm-vasilisk.livejournal.com/1259.html>

и <http://galchi.livejournal.com/30629.html>).

с. 33 Пианино диваны ковры...

Вариант стр. 10: Натуральный дубовый фундамент.

с. 39 Люди которым я должен деньги умирают...

Другой вариант опубликован Олегом Михайловым в «Кулисе НГ» 1999, № 11 (33):

* * *

Люди, которым я должен, умирают,
женщины, которых я любил, стареют,
а подо мной осенине листья сгорают
и суровые ветры осенним холодом всют.

Мне тридцать лет. Я полон весь пустотою.

Я разминулся с одной, единственою, тою...

Предположим, сейчас она школьница пятого класса,
Золотиста, как ангел с разбитого иконостаса.

Ты – здоровый подросток, ты нимфа не нашего быта,
я прочёл о тебе в фантастической книге «Лолита».

Засушите меня, как цветок, в этой книге на сотой странице,
застрелите меня на контрольных следах у советской границы.

Я за десять копеек билет в кинохронику взял без скандала,
я остался один на один с тишиной кинозала.

Я увидел тебя – и в гортани немые сольфеджио,
да, ты в классе четвёртом, но только не школы – колледжа.

Вот, одетая в джинсы, ты ската в ногах мотороллер,
в иностранную осень вписался оранжевый колер,
слава Богу, что ленту цветную снимал оператор бедовый,
кожуру апельсина срезая спиралью, как образ готовый.

Люди, которым я должен, не умирайте,
женщины, которых я любил, не старейте,
время своё я прожил и понял,
дайте дожить хоть на этом, пусть призрачном свете...

с. 40 Слuchaется лимонная весна...

Примечание Д.Н.Ляликова к стр. 12: * *Коцунство!* на явл<ение>
в Фатиме! / = *Мариенгофу*.

с. 58 Поднимаешь бокал и ещё пошалишь...

После 4 строфы зачеркнута строфа:

Хорошо, я сегодня укрою его
Завтра буду трястись в каземате
В этом мире нельзя изменить ничего
Да менять и не надоно кстати

с. 60 Женщина сказала: «брошена»...

В МС это стихотворение разделено на две части, каждая из которых представлена как отдельное произведение. Первое включает в себя строфы 4 и 5 данного стихотворения, а второе располагается после текста «Я копаю землю в чужом саду...» (с. 80) и состоит из трёх первых строф и последней. О том, что это одно стихотворение, сообщил Л.Г. Прягунов.

В конце речь, очевидно, идёт о том воспоминании детства, о котором говорит О. Михайлов в предисловии.

с. 65 Вино печали

Вин трист – vin triste (*фр.*)

с. 83 Филипповой Лиде – заявление

Ах Лида, я погибну скоро – ср. «О Муз! я у двери гроба!» (Н.А.Некрасов).

с. 95 О человек, претензии твои...

Вверху страницы – зачёркнутый заголовок Dubia.

с. 98 Пока твой папа верил в шорох слов...

Вероятно, посвящено Тарковским.

2

Стихотворения «Приходят разные повестки...», Скрипичная соната, «Самоубийство есть дуэль с самим собой...», «Когда кричат: «Человек за бортом!»...» (с. 103–107) были опубликованы в самиздатском журнале «Синтаксис» № 1 (1959); републикация: «Границы» (Мюнхен) № 58 (1965). Сверены по машинописным и рукописным оригиналам из архива А.И.Гинзбурга, находящегося в правозащитном обществе «Мемориал» (ф. 118).

с. 106 Самоубийство есть дуэль с самим собой...

вариант из архива Гинзбурга:

* * *

Самоубийство есть дуэль с самим собой,
Искал ты женщину с крылатыми ногами –
Она теперь заряжена в нагане,
Ружейным маслом пахнет и стрельбой.
А ты уж не вспорхнёшь, а ты уж не воспрянешь,
Увянувшие дни / как травы / коротки.
Твой демон смерти стал вегетарьнец,
Теряющий салфетки и платки.
Прощай, мой друг, цветы и волдей
Тяжёлой линией больших её грудей,
Пиши роман и на курорты езди;
А мне пора / как свечке / потухать.
Врачу по венерическим болезням

Я должен оставался петуха.

Когда дышать игрою больше нечем
И догорели тонкие стихи,
Разрежут ненависть, похожую на печень,
Звенящими ножами мясники.

Железная дорога, «Дождит. Спреферансены дачники кучами...», Без гитары, Стансы без футбола, «Голубое озеро, красное вино...», 9 строчек, Проэтам, «Я люблю бутерброды с фиалками...», «Ах, не надо вопросов...», Памятник, Ц.в., «Я знаю массу строк, банальных и пустых...», *Noch einmal alles zuerst!* (с. 108–121) – по машинописным и рукописным оригиналам из архива А.И.Гинзбурга (стихотворения написаны не позже 1960 г., когда они были изъяты КГБ).

с. 117 Памятник

В стр. 15 над словом «раку» надписана (другой рукой) буква «м», т.е. «рамку».

Последняя строфа переписана также на другом листе с добавлением внизу:

Fecit. [Сделал (*лат.*)]

с. 119 Ц.в.

Меццо-тинто – вид гравюры на металле.

с. 121 Noch einmal alles zuerst!

Перевод названия: еще раз всё сначала! (*с нем.*)

«Ах, как чудно цвела криптомерия...» (с. 122) приводится Е.Евтушенко в антологии «Строфы века» (М., 1997; с. 945) с подписью: «Студенческий фольклор. Есть догадка, что написано С. Чудаковым. Читалось им в моём присутствии в МГУ на вечере поэзии на журфаке в 1953 году».

«Шли конвойцы вчетвёртом...» (с. 122) цитируется в статье Л.Лосева «Тулупы мы», впервые опубликованной в Антологии у Голубой лагуны, т. 1 / Сост. К.К.Кузминский и Г.Л.Ковалев. – Newtonville, Mass., 1980. («В Москве мы считали близкими себе Красовицкого, Черткова, Хромова, потом Сапгира и Холина. И Серёжу Чудакова. Ерёмин познакомился с ним на пароходе на Азовском море, и Чудаков стал приезжать к нам и загащиваться подолгу. Он восхищался стихами Ерёмина, Уфлянда, всеми...»)

Стихотворения «Переводы из Ружевича и Сэндерберга ты уже прочитала...» и «Приятеля сажают за подлог...» (с. 123–124) пе-

чатаются по Антологии у Голубой лагуны, т. 1. («Тексты Чудакова передал Гришке-слепому Алик Гинзбург в начале 60-х годов. Всего было с полдюжины текстов...»)

Стихотворение «Когда я заперт в нервной клинике...» (с. 125) впервые опубликовано в журнале «Наш современник», № 8, 1992 О.Н.Михайловым. Здесь – по его же публикации в журнале «Родная Кубань», № 3, 2000, с. 127–134 (цитата в очерке «Русский Вийон (Сергей Чудаков)», сокращённая версия которого воспроизводится в нашей книге).

Стихотворения «Женщины, которых я изнасиловал...», «Жизнь щекочущая скуча...», «Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки...», «Шаг вправо шаг влево считаю побег...», «Но я еще найду единственный размер...» (с. 126, 128–130, 132) – по вышеназванному очерку О.Н.Михайлова в журнале «Родная Кубань», № 3, 2000.

с. 127 Вниз по матушке (по Волге)

— по автографу, любезно предоставленному П.В. Палиевским. В «Родной Кубани» стр. 5–6: «Парад коммунистических наяд / на пляже весь частушечный Саратов»; в стр. 13: «ты жаждешь». В записи Д.Н. Ляликова в стр. 9: «столичных дикторш»; стр. 12: «Служитель муз среди тупиц провинциальных».

с. 128 Жизнь щекочущая скуча...

В мемуаре А.Брусовского приводится последняя строфа с датой сентябрь 1968 (с. 157 нашего издания).

с. 131 Заключив с тобой позорный мир...

— цитата в романе О.Михайлова «Пляска на помойке» («Волга», №№ 4, 5, 1999). До этого стихи Чудакова цитировались в другом романе Михайлова, «Час разлуки», опубликованном в той же «Волге», № 8, 1978. Чудаков там назван Смехачевым.

Два четверостишия на с. 133: «оглушены трудом и водкой...» и «я живу на доходы от школьницы...» – из книги Олега Осетинского «Песнь о Витьке-дураке, или Роман-Ролан» (М., 2001; эпиграфы на с. 8 и 134).

Стихи на с. 134–139 воспроизводятся по машинописному сборнику из архива Д.Н.Ляликова.

с. 134 Стихи о героях

Заголовок приписан от руки. Примечание к последней строке: *угол оторван.

с. 138 ... Медсестра сумасшедшего дома...

— первая строфа приписана сверху карандашом над следующей машинописной.

Строфы «А в сером огне ТВ загробные тени кривил...» и «Оркестр слепых калек музицирует в крематории...» (с. 142) находятся в сборнике на соседних страницах, на второй из них нарисована стрелка на предыдущую, т.е. похоже, что это две попытки написать стихи (или две вариации) на тему телевидения.

Примечание к ТВ: * чит~~<ать>~~: ти-ви.

с. 139 Я иду и птицы поют...

— строфа приписана сверху карандашом над следующей машинописной.

с. 140 Предъявили мне бумажку...

— записано рукой Д.Н. Ляликова на одном листе со стихотворением «Ильич отсель, наш агнец лысоватый...» (здесь дано под названием «Вниз по матушке (по Волге)», см. с. 127. В варианте Д.Н.Ляликова название отсутствует, но есть посвящение П.П.)

Стихотворения «кристалл замёрзшего вина...» и «как центробежны эти пары...» (с. 141–142) – по автографам из архива Д.Н.Ляликова; написаны на разорванном на несколько ключков развороте книготоргового каталога 1970 г. Ключки сохранились не все, из-за чего пропала последняя строфа второго стихотворения. Можно разобрать только начала строк:

и средст
заледеневшее
ещё быстрей
пространство

с. 143 Лёгкой походкой посетюремной...

— по автографу из архива Д.Н.Ляликова.

Приписано: [нужна модель чтобы вспомнить это] / я прорвусь сквозь дым твоих легенд?

В тексте, присланном В.В.Черняк, ещё одна строчка: «дергают зрение как кинолентой» – вариант? или из продолжения?

Три щуточных стихотворения «Кинозвезда, приятельница, киска...», «Хочу любить тебя я, Нонна...» и «Обожая Нонну...» (с. 144), посвященных актрисе Нонне Терентьевой (1942–1996), сообщил по памяти Л.Г.Прыгунов.

«Зажали кондуктора под потолок...», «Это всё не чужие картины...», «Ботинки истлевают на ногах...» (с. 145–146) – по живому журналу <http://galchi.livejournal.com>.

с. 149–156: Репортаж о деревьях, крик о деревьях, молчание о деревьях

— публикуется по копии авторизованной машинописи, находящейся в архиве Института изучения Восточной Европы (Бремен) в фонде А. Брусиловского, предоставленной Г. Суперфином. Статья была, судя по всему, написана в конце 1965 г.

...стихи Александра Межирова – цитируется «Прощание со снегом».

Определение архетипа взято из философского словаря, вышедшего ограниченным тиражом с грифом «для научных библиотек» в 1961 г. (сокр. перевод с немецкого; оригинал – Штуттгарт, 1957).

Загадка про дерево взята из Даля.

Четверостишие Ахматовой взято из «Мартовской элегии» (1960); цитируется, вероятно, по памяти.

Система Кумадзавы Бандзана (1619–1692) пересказывается по книге Ю.К. Щукского «Китайская классическая “Книга перемен”» (М., 1960).

Юло Юханнович Соостер – в современных справочниках пишут Юло-Ильмар Йоханнесович.

Вилма Рудольф (Wilma Rudolph; 1940–1994) – трехкратная олимпийская чемпионка 1960 г.

Владимир Николаевич Турбин (1927–1993) преподавал в МГУ с 1953 г.

«Фольклорный балет Мексика» гастролировал в СССР в 1965 г.

...то самое дерево, про которое я говорил – единственный раз, когда Чудаков позабыл, что надо писать от лица женщины.

...четверостишие позднеримского поэта Флора — в пер. В. Брюсова.

...орудовец – сотрудник отдела регулирования уличного движения.

«Артистичка» (с. 157–160) – глава из книги Анатолия Брусиловского «Студия» (СПб., 2001). Здесь приводится ее часть, относящаяся к Чудакову, доработанная автором специально для нашего издания.

В заключение немного о газетных и журнальных прижизненных публикациях С.И.Чудакова. В биографическом кабинете ЦДЛ их зарегистрировано 27 – с 1957 по 1969 гг. В том числе:

[Интервью с В.Жалякевичусом] // «Московский комсомолец», 14.06.1966, № 137.

[О к/ф «Звонят, откройте дверь»] // «Московский комсомолец», 26.05.1966, № 121.

[Рецензия на книгу В.Шукшина «Сельские жители» (1963)] // «Молодая гвардия», 1964, № 5.

Карнавальная карьера диктатора Уи [О постановке пьесы Б.Брехта в студенческом театре МГУ] // «Театр», 1964, № 8.

Настоящую нежность не спутаешь [о книге Е.Евтушенко «Нежность»] // «Огонёк», 1962, № 44.

Страсти по Андрею [о фильме А.Кончаловского и А.Тарковского] // газета «Смена», 14.09.1962, № 216.

Мир Кустодиева // «Московский комсомолец», 16.03.1960, № 55.

Заметки о поэзии 1959 года // «Вопросы литературы», 1960, № 4. (В соавторстве с О.Михайловым). [Об этой статье писали С.Кошечкин и Е.Осетров в «Правде» от 15.03.1961].

Вместо Сурикова [О кинофильме «Василий Суриков»] // «Московский комсомолец», 22.11.1959, № 231.

Бертолт Брехт // «Советская отчизна» № 5, 1957.

(Интервью с И.Эренбургом в этой картотеке не зафиксировано.)

Содержание

О.Михайлов. Русский Вийон.....	3
9 1	
«Останусь псевдонимщиком и негром...»	11
«Отцвели георгины...»	12
«В министерстве осенних финансов...»	13
«Ипполит, в твоём имени камень и конь...»	14
«Запевают самолеты ТУ...»	15
«Пушкина играли на рояле...»	16
Памяти Луи Вашканского	17
«Дело оперы и балета...»	18
Плебейский романс	20
«Спорная добыча полководца...»	21
«С милицейских мотоциклов...»	22
«Чем подорван организм?...»	23
«Этот мир простой и страшный обречённо обтекая...»	24
«Во всю прохожим льёт за шею...»	25
«Вот студентка о чём-то мечтает...»	26
«Ничего не выходит наружу...»	27
Светский романс	28
«В светской толпе или в творческом клубе...»	29
Сон в стиле Блейка	30
«Произведён машинный поиск...»	31
«С полдвиженья Магдалина...»	32
«Пианино диваны ковры...»	33
«Не пора ли тебе покончить...»	34
«Мореплаватель егерь и пахарь...»	35
«В пальто с какого-то покойника...»	36
«Как новый де Грие, но без Манон Леско...»	37
«Чем питается ссыльный. Чем Бог пошлёт...»	38
«Люди которым я должен деньги умирают...»	39
«Случается лимонная весна...»	40
Лунная полька	41
«Неуёмный приятель шотландец Лермонт...»	42
Уличный художник	44

«В летнем небе вспыхнула звезда...»	45
«О как мы легко одеваем рваньё...»	46
«Все четвертьтона и полумеры...»	47
«У тебя особая улыбка...»	48
«Мой любимый поэт О.Э. Мандельштам, еврей из Петербурга...»	49
«Эта походка как старая лента...»	50
«Не слишком я люблю четвертьтона...»	51
«Хорошо или плохо жемчужина...»	52
«Не иллюстрации краплённая корректность...»	53
«В тяжёлом сне так хрюплю узник дышит...»	54
«Не стреляйте я военнопленный...»	55
«Я озаряю светом из окон...»	56
«Этот бред называемый миром...»	57
«Поднимаешь бокал и ещё пошалишь...»	58
Прозрачность	59
«Женщина сказала: "брошена"...»	60
«А бывает Каина печать...»	61
«Те грешники какие вмёрзли в лёд...»	62
«Смешав привычно водку и вино...»	63
«Написать стихи о лужах...»	64
Вино печали	65
«Нет, нас воткнули неспроста...»	67
«Я тебя не ревную...»	68
«В истории многое пропущено...»	70
Проповедь	71
«Поставлю против света...»	72
Курортная поэма	74
«Из кого состоит народ...»	77
«Осень плещет ветер свищет...»	78
«Здесь ваш Родос здесь извольте прыгать...»	79
«Я копаю землю в чужом саду...»	80
«Ну вот объявлена война...»	81
«Луна над городом взошла...»	82
Филипповой Лиде – заявление	83
«Изобретатель радио – Попов...»	84
«Сумасшедшие свой бред...»	85
«Вода не переводится в цистерне...»	86
ДНК (Довольно Никаких Концепций)	87
«Дезокси-Р-кошмары...»	88
Бумажный тигр	89
Осень	90
«Пусть палачи усердие устроив...»	91

«Я хочу вина и пива...»	92
«При открытии закона вздрогнет физик и биолог...»	93
«Всем подарена лёгкая смерть...»	94
«О человек, претензии твои...»	95
«Не хотел бы я строить особых жизненных планов...»	96
«Жизнь идёт вытираются польта...»	97
«Пока твой папа верил в широке слов...»	98
«Поздний час и буфет запирают...»	99
«Любовь и пьянство, поиски успеха...»	100

101 2

«Приходят разные повестки...»	103
Скрипичная соната	104
«Самоубийство есть дуэль с самим собой...»	106
«Когда кричат: “Человек за бортом!”...»	107
Железная дорога	108
«Дождит. Спреферансены дачники кучами...»	109
Без гитары	110
Стансы без футбола	111
«Голубое озеро, красное вино...»	112
9 строчек	113
Проэтам	114
«Я люблю бутерброды с фиалками...»	115
«Ах, не надо вопросов...»	116
Памятник	117
Ц.в.	119
«Я знаю массу строк, банальных и пустых...»	120
Noch einmal alles zuerst!	121
«Ах, как чудно цвела криптомерия...»	122
«Шли конвойцы вчетвером...»	122
«Переводы из Ружевича и Сэндберга ты уже прочитала...»	123
«Приятеля сажают за подлог...»	124
«Когда я заперт в нервной клинике...»	125
«Женщины, которых я изнасиловал...»	126
Вниз по матушке (<i>по Волге</i>)	127
«Жизнь щёкочущая скуча...»	128
«Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки...»	129

«Шаг вправо шаг влево считаю побег...»	130
«Заключив с тобой позорный мир...»	131
«Но я ещё найду единственный размер...»	132
«оглушены трудом и водкой...»	133
«я живу на доходы от школьницы...»	133
Стихи о героях	134
«Ты в первой строчке дальше от терции...»	135
«Уже доказано и больше нет сомнений...»	135
«Проживая на Куусинена...»	136
«Два зеркала: одно полуразбитое...»	136
«В перехлесте случайных связей...»	136
«Уголовник флиртующий с глухонемой...»	137
«... Медсестра сумасшедшего дома...»	137
«А в сером огне ТВ загробные тени кривил...»	138
«Я иду и птицы поют...»	139
«Предъявили мне бумажку...»	140
«кристалл замёрзшего вина...»	141
«как центробежны эти пары...»	142
«Лёгкой походкой послетюремной...»	143
«Кинозвезда, приятельница, киска...»	144
«Хочу любить тебя я, Нонна...»	144
«Обожая Нонну...»	144
«Зажали кондуктора под потолок...»	145
«Это всё не чужие картинки...»	145
«Ботинки истлевают на ногах...»	146

147 Приложения

Репортаж о деревьях, крик о деревьях, молчание о деревьях	149
<i>A.Брусловский. «Артистичка»</i>	157

161 Комментарии

Чего же ты хочешь
Это же Кочетов

А то Серёжа Чудаков
Чего же ты хочешь

Иосиф Бродский **На смерть друга**

Имяреку, тебе, — потому что не станет за труд из-под камня тебя раздобыть, — от меня, анонима, как по тем же делам: потому что и с камня сотрут, так и в силу того, что я сверху и, камня помимо, чересчур далеко, чтоб тебе различать голоса — на эзоповой фене в отечестве белых головок, где на ощупь и слух наколол ты свои полюса в мокром космосе злых корольков и визгливых сиповок; имяреку, тебе, сыну вдовой кондукторши от то ли Духа Святого, то ль поднятой пыли дворовой, похитителю книг, сочинителю лучшей из од на паденье А.С. в кружева и к ногам Гончаровой, слововержу, лжецу, пожирателю мелкой слезы, обожателю Энгра, трамвайных звонков, асфоделей, белозубой змее в колоннаде жандармской кирзы, однокому сердцу и телу бессчтных постелей — да лежится тебе, как в большом оренбургском платке, в нашей бурой земле, местных труб проходимцу и дыма, понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке, и замёрзшему насмерть в параднике Третьего Рима. Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто. Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо, вниз по тёмной реке уплывая в бесцветном пальто, чьи застёжки одни и спасали тебя от распада. Тщетно драхму во эту твоём ищет угрюмый Харон, тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно. Посылаю тебе безымянный прощальный поклон с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.